

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ.

НАРОДНЫЯ ПЕСНИ.

ВЪЗНЕСЕНА СЕДЬМОЙ.

СТРАНСТВІЯ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ИЗДАНІЕ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

1860

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. 10 мая 1860 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

— 6 —

ЖИЗНЬ,

ПУТЕШЕСТВІЯ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ФРАНЦУЗСКАГО АДМИРАЛА

ДЮМОНЬ-ДЮРВИЛЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первоначальная служба адмирала Дюмонь-Дюрвиля. — Плаваніе его къ берегамъ Новой Зеландіи. — Тенерифскій пикъ. — Дикари. — Странные обычаи жителей Сиднейскаго залива. — Буря. — Новое племя дикарей. — Опасности, которымъ подвергается корветъ «Астролябія».

Французскій адмиралъ Дюмонь-Дюрвиль родился 23 мая 1790 года. 20 лѣтъ отъ роду поступилъ онъ на службу гарде-мариномъ; произведенный въ офицеры, онъ много плавалъ въ океанѣ и разныхъ моряхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на кор-

ветъ, на которомъ, въ Августѣ мѣсяцѣ 1822 года, отправился изъ французскаго приморскаго города Тулона. Обойдя кругомъ свѣта, черезъ три года возвратился онъ во французскій приморской городъ Марсель. Послѣ этого путешествія, Дюмонъ-Дюрвиль, въ награду за свою усердную и полезную службу, вскорѣ былъ назначенъ командиромъ корвета «Астролябія», названнаго такъ по имени судна, на которомъ погибъ знаменитый морякъ Лаперузъ, также много путешествовавшій на своемъ вѣку.

«Астролябія» имѣла назначеніе зайти на острова: Новую Зеландію, Новую Гвинею, Новую Британію и Каролинскіе. Кромѣ того Дюмонъ-Дюрвилю поручено было разыскать слѣды Лаперуза, котораго, по послѣднимъ извѣстіямъ, считали погибшимъ у острова Ваникора (*). Капитанъ

(*) Небольшой островъ въ Тихомъ океанѣ, къ востоку отъ Новой Голландіи.

американскаго судна, посѣтившій эти мѣста, рассказывалъ, что видѣлъ у жителей острова много вещей и между прочимъ орденскіе знаки св. Людовика, которые онъ считалъ принадлежавшими кому нибудь изъ служившихъ подъ начальствомъ Лаперуза. Изъ всего этого можно было думать, что Лаперузъ, съ своимъ судномъ, потерпѣлъ крушеніе около этихъ мѣстъ.

17 апрѣля 1826 года, корветъ «Астролябія», снабженный въ изобиліи всѣмъ нужнымъ для долгаго плаванія и имѣя 80 человекъ команды, вышелъ изъ Тулона. Черезъ 15 дней корветъ былъ въ виду Гибралтара (*), а съ небольшимъ черезъ

(*) Гибралтаръ — огромная скала, сажень 200 вышиною, находится при входѣ изъ Атлантическаго океана въ Средиземное море и принадлежитъ Англичанамъ, которые выстроили на ней свою крѣпость. Гибралтаромъ оканчивается Европа; а противъ него, у входа въ Средиземное море, начинается уже Африка. На этомъ берегу также есть высокая гора, которая называется Обезьянною.

мѣсяцъ останавливался въ Ажезирасѣ ⁽¹⁾; 12 іюня проходили необитаемые изъ Канарскихъ острововъ ⁽²⁾, во всякое время года населенные несмѣтнымъ количествомъ птицъ, а черезъ два дня послѣ того стали на якорь у острова Тенерифа ⁽³⁾.

Въ прежнее время Тенерифская остро-конечная гора была такою же страшною огнедышащею горою, какъ Везувій; лѣтъ 60 тому назадъ она еще часто выбрасывала на значительную высоту пламя, и потоки лавы ⁽⁴⁾ вырывались изъ ея жерла; но съ тѣхъ поръ она почти погасла, и только повременамъ по-

⁽¹⁾ Недалеко отъ Гибралтара.

⁽²⁾ Въ Атлантическомъ океанѣ, у береговъ Африки.

⁽³⁾ Также принадлежитъ къ Канарскимъ островамъ.

⁽⁴⁾ Лавою называются огненные ручьи, густые, какъ каша, которые образуются отъ расплавленныхъ огнемъ сѣры, камней, земли и вообще минераловъ. Минералами называются разныя твердыя вещества, находящіяся во внутренности земли, какъ, на примѣръ сѣра, каменный уголь и проч.

казывается оттуда небольшой дымокъ, такъ что теперь можно взобраться на самую вершину горы. Дюмонъ-Дюрвиль воспользовался этимъ, чтобы насладиться величественнымъ видомъ, и, обойдя гору по разнымъ направлениямъ, 17 іюня онъ достигъ ея вершины, съ которой можно видѣть многіе изъ острововъ Атлантическаго океана. Выйдя отсюда, моряки, 20 іюня, увидали островъ Сантъ-Яго (*); 30 — берегъ скрылся изъ вида, а 31 іюля послѣ удачнаго перехода, открылся островъ св. Троицы и экипажъ судна имѣлъ случай любоваться огромнымъ утесомъ, называемымъ Сахарной Головой и возвышающимся на 1,200 футовъ надъ поверхностію моря.

Большую половину августа погода стояла отличная и плаваніе было счастливо;

(*) Самый большой изъ острововъ Зеленаго мыса, которые находятся къ юго-западу отъ Канарскихъ острововъ.

но въ концѣ мѣсяца поднялась страшная буря, и корветъ нѣсколько дней находился въ опасности. Однако, ему удалось обогнуть мысъ Доброй Надежды, и, послѣ перехода въ 4 тысячъ французскихъ миль (*), корветъ сталъ на якорь у юго-западнаго берега Новой Голландіи. Въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ остановился Дюмонъ-Дюрвиль, жителей было въ то время очень немного; они раздѣлялись на племена, отъ 15 до 20 человекъ въ каждомъ.

Дикари эти небольшого роста, худощавые, съ большимъ ртомъ и красивыми зубами; бороды у нихъ жиденькія и черныя, а цвѣтъ кожи красновато-бурый. Питаются они большею частію ящерицами, которыхъ тамъ много; они ѣдятъ также змѣй и коренья нѣкоторыхъ растений, горькихъ и противныхъ на вкусъ. Одежда этихъ дикарей состоитъ изъ шкуръ

(*) Одна французская миля составляетъ съ небольшимъ 4 версты.

красныхъ звѣрей и преимущественно дву-
утробокъ; онѣ ловятся у нихъ безъ счета.

12 ноября корветъ пришелъ въ портъ,
находящійся на южномъ берегу Новой-
Голландіи, и, выйдя оттуда 2 октября,
сталъ на якорь въ Сиднейскомъ заливѣ,
близъ порта Джаксонъ (*), пройдя около
пяти тысячъ миль менѣе, чѣмъ въ восемь
мѣсяцевъ.

Туземцы этихъ мѣстъ, говоритъ Дю-
монъ-Дюрвиль, кромѣ старшихъ въ родѣ
не признають другихъ властей. Они по
своему вѣрують въ будущую жизнь, но
не имѣють ни боговъ, ни идоловъ, ниче-
му не поклоняются. Умственные способ-
ности ихъ очень ограничены; роста они
маленькаго, очень сухопары и съ такими
остроконечными ногтями, что могутъ ка-
рабкаться совершенно какъ обезьяны. Во-

(*) Этимъ портомъ, находящимся на восточномъ
берегу того же острова, Новой-Голландіи, вла-
дѣють Англичане.

обще эти дикари до того уродливы, что, еслибъ они не говорили ихъ можно бы принять за животныхъ. У мужчинъ лица грубыя и противныя. Природное ихъ безобразіе увеличивается еще и тѣмъ, что они имѣютъ обыкновеніе прокалывать себѣ ноздри, для того, чтобы продѣть туда рыбью кость или просто деревянную палочку. Женщины, на видъ менѣе уродливы, но все же отвратительны тѣмъ, что, такъ же, какъ и мужчины, имѣютъ привычку натирать себѣ все тѣло рыбьимъ жиромъ: тѣло ихъ отъ этого распространяетъ гнилой и вонючій запахъ. *Татуировка*, или искалываніе разныхъ частей тѣла узорами, у нихъ также въ обычаѣ. Кромѣ того, женщинамъ отрѣзаютъ обыкновенно, еще въ дѣтствѣ, два сустава на мизинцѣ лѣвой руки. На вопросъ о причинѣ этого обычая, дикари отвѣчали только тѣмъ, что это ведется у нихъ издавна. И у другихъ, болѣе образованныхъ народовъ только стариною могутъ объясниться мно-

гіе странныя, но укоренившіяся обычаи и суевѣрія. Жилища разныхъ племенъ этого народа состоятъ изъ жалкихъ хижинъ, сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей, гдѣ мужчины, женщины и дѣти ложатся какъ ни попало и спать всѣ вмѣстѣ. Были поселенцы, которые пытались научить ихъ строить обыкновенные дома, но никакъ не могли убѣдить дикарей въ томъ, что это было бы гораздо лучше и удобнѣе.

Различныя племена этого народа воюють между собой почти постоянно, и молодые люди у нихъ могутъ жениться не иначе, какъ похитивъ прежде у непріятеля женщину, которую новое племя и объявляетъ своею невольницею. Вообще женщины у нихъ совершенныя рабы; надъ ними мужья имѣютъ право жизни и смерти. Нерѣдко случается, что мужъ, недовольный своею женою, безъ всякихъ разговоровъ, убиваетъ ее дубиной наповаль и женится на другой, съ которою поступаетъ

точно также, когда придетъ ему на то охота. Иногда женщины и возстають противъ несправедливости своихъ мужей—повелителей, разсчитываясь ударомъ за ударъ: въ такомъ случаѣ, кровь течетъ съ обѣихъ сторонъ, и драка почти всегда кончается совершеннымъ примиреніемъ. Рожденіе ребенка у этихъ дикарей сопровождается постоянно большими празднествами. Черезъ 40 дней, начальникъ племени даетъ новорожденному имя какойнибудь птицы или растенія. Впослѣдствіи вырываютъ у ребенка одинъ изъ переднихъ зубовъ и приучаютъ его терпѣливо переносить боль. Какъ только онъ привыкнетъ владѣть дубиною, воспитаніе его считается оконченнымъ. Всѣ эти дикари, гдѣ бы онѣ ни жили — на приморскихъ берегахъ или въ лѣсахъ — отличаются страшною жестокостію. Война, которую они ведутъ такъ часто между собою, приучаетъ ихъ не бояться смерти, и, однако — странное дѣло! — у нихъ есть

мнимые колдуны, способные заставить ихъ дрожать отъ одного слова. Дикарь очертя голову бросится въ толпу непріятелей, гдѣ ему предстоитъ неизбѣжная смерть, а когда услышитъ громовой ударъ, падаетъ ничкомъ на землю и лежитъ, какъ ошеломленный.

Дюмонъ-Дюрвиль, пробывъ въ портѣ Джексона 16 дней, собралъ тамъ много свѣдѣній о дикаряхъ. Онъ часто уходилъ далеко въ глубину острова, несмотря на опасность, которой бы могъ подвергнуться отъ жестокихъ обычаевъ дикихъ.

Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, «Астролябія», 10 декабря, вышла изъ порта Джексона и направила путь свой къ одному изъ двухъ главныхъ острововъ Новой-Зеландіи *Тавай-Пунаму*. 13 января 1827 года «Астролябія» вошла въ проливъ Кука (*), а 16 стала на якорь у Новой-Зе-

(*) Раздѣляющій островъ Новую Зеландію на двѣ части.

ландіи. Впродолженіи 5 дней, которые «Астролябія» простояла тамъ, съ тѣмъ, чтобы заpastись водою и дровами, Дюмонъ-Дюрвиль, по своему обыкновенію, дѣлалъ дальнія поѣздки во внутренность берега, чего не дѣлалъ до него ни одинъ путешественникъ. Сначала страна эта представилась Дюмонъ-Дюрвилю покрытою богатою растительностію и большими лѣсами; но когда онъ дошелъ до конца огромной долины, онъ вдругъ увидѣлъ, что далѣе итти нельзя: то была цѣпь высокихъ горъ, верхушки которыхъ, покрытыя вѣчными снѣгами, терялись въ облакахъ.

Первые дикари, встрѣченныя неустрашимымъ морякомъ на этомъ берегу, побѣжали безъ оглядки при видѣ капитана и сопровождавшихъ его людей; но скоро они нѣсколько ободрились и подпустили къ себѣ моряковъ. Наконецъ дикари совершенно успокоились и, казалось, только и думали, какъ бы удовлетворить свое любопыт-

ство, сильно разыгравшееся отъ множества вещей, совершенно имъ незнакомыхъ.

Едва Дюмонъ-Дюрвиль и его офицеры прошли съ полмили во внутренность острова, ихъ окружила довольно большая толпа дикарей, которая навѣрно бы перепугала менѣе отважныхъ и смѣлыхъ людей. Островитяне были почти совсѣмъ голы. Они сложены большею частью хорошо и имѣютъ довольно пріятныя лица. Женщины, одѣтыя лучше мужчинъ, казалось, были очень стыдливы: несмотря на любопытство, сильно возбужденное всѣмъ тѣмъ, что онѣ видѣли, женщины прятались за мужчинъ, стараясь скрыть отъ Европейцевъ свои лица.

Чтобы окончательно войти въ дружбу съ островитянами, Дюмонъ-Дюрвиль роздалъ имъ стеклянныя украшенія и множество другихъ бездѣлушекъ, которыя они приняли съ восторгомъ. Одинъ изъ офицеровъ, бывшихъ съ Дюмонъ-Дюрвилемъ выстрѣлилъ изъ ружья въ пролетающую мимо красивую

птицу, которая и упала почти къ его ногамъ. Увидя это, туземцы, съ страшными криками, пустились бѣжать со всѣхъ ногъ; нѣкоторые изъ нихъ попадали отъ страха на землю, и много стоило труда, чтобы ихъ успокоить и увѣрить въ томъ, что это страшное оружіе не сдѣлаетъ имъ никакого вреда. Обстоятельство это способствовало къ тому, что моряки составили себѣ хорошее понятіе объ островитянахъ и были увѣрены что они народъ смирный и безвредный. Каково же было удивленіе Дюмонъ-Дюрвиля и его офицеровъ, когда они, углубясь далѣе во внутренность острова, узнали, что отдѣльные племена этого народа постоянно ведутъ между собою самую жестокую войну и питаются человѣческимъ мясомъ. Однако, наши путешественники, во время пятидневнаго пребыванія на островѣ, не имѣли повода жаловаться на этихъ людоедовъ.

22 января, когда запасы корвета были совершенно готовы, Дюмонъ-Дюрвиль сно-

ва отправился въ путь и 30 числа послѣ полудня подошелъ къ восточному берегу острова *Ика-на-мави*. Берегъ этотъ составляетъ сѣверную половину Новой-Зеландіи. Тутъ пробыли они восемь дней, послѣ чего корветъ, продолжая свое плаваніе, застигнуть былъ сильнымъ порывомъ вѣтра, который принудилъ его отойти далѣе въ море, для того, чтобы не подвергнуться опасности быть выброшеннымъ на берегъ. Крѣпкіе вѣтры, постоянно усиливаясь, не давали въ продолженіе десяти дней ни минуты отдыха измученной отъ усталости командѣ. Громадные валы, пѣнясь и клубясь, съ трескомъ разбивались о корветъ; казалось, что онъ не въ силахъ выдержать и одни сутки такого шторма. Вѣтеръ наконецъ немного стихъ; но вдругъ замѣтили, что попали изъ одной бѣды въ другую: корветъ быстро несло къ страшнымъ бурунамъ (*), отъ кото-

(*) Бурунами называются подводныя скалы, которыя, по всплескамъ воды, можно замѣтить издали.

рыхъ онъ былъ всего въ четверти мили и на которыхъ, казалось, долженъ бы разбиться вдребезги.

Въ эти минуты угрожающей и, повидимому, почти неизбежной смерти, Дюмонъ-Дюрвиль выказалъ истинное и ничѣмъ не возмутимое присутствіе духа: онъ ходилъ по корвету и отдавалъ приказанія такъ спокойно и хладнокровно, какъ будто не находился вовсе въ опасности. Дюмонъ-Дюрвиль такъ искусно управлялъ при этихъ обстоятельствахъ своимъ кораблемъ, что ему удалось обогнуть буруны. Скоро опасность совершенно миновалась и «Астролябія» стала на якорь у того же острова *Ика-на-мави*.

Только что туземцы этихъ мѣстъ увидѣли корветъ, какъ бросились толпами въ свои челноки и тотчасъ окружили «Астролябію». Моряки были очень обрадованы замѣтивъ, что дикари не имѣютъ никакого злаго умысла: они предлагали только мѣняться вещами. Легко было узнать,

что ихъ не разъ уже посѣщали Европейцы; нашелся между туземцами даже и такой, который былъ въ портѣ Джаксонъ и выучился тамъ порядочно говорить по англійски. Капитанъ, разными подарками, привлекъ этого человѣка, и онъ въ послѣдствіи оказалъ ему большія услуги при изученіи берега.

Выйдя въ море, моряки увидѣли съ корвета, 6 марта, сѣверную оконечность Новой-Зеландіи, которую Дюмонъ-Дюрвиль называлъ мысомъ *Оту*. Онъ находится недалеко отъ мыса Ринга, считающагося между Ново-Зеландцами крайнимъ предѣломъ свѣта. Жители этихъ мѣстъ, — тѣ же свирѣпыя людоеды.

Наконецъ, 30 августа, «Астролябія» вошла въ небольшой заливъ, гдѣ Дюмонъ-Дюрвиль, съ помощію ученыхъ Англичанъ, осмотрѣлъ берегъ и собралъ большое количество растеній, животныхъ и минераловъ. Онъ заѣзжалъ также въ незначительную деревеньку, которую туземцы величаютъ

городомъ *Помарэ*, и нашелъ тамъ нѣсколько домовъ, выстроенныхъ по европейски. Ново-Зеландцы въ то время начинали уже обрабатывать землю, и, судя по ихъ смыслености, можно было надѣяться, что они, въ скоромъ времени, сдѣлаются народомъ болѣе образованнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нравы и обычаи жителей Новой-Зеландіи. — Сословіе благородныхъ и духовенство у дикихъ. — Война между племенами. — Пирь людоедовъ. — Суевѣріе народа. — Производительность страны.

Ново-Зеландцы роста довольно высокаго, хорошо сложены и сильны; цвѣтъ кожи ихъ красно-темный, который кажется еще темнѣе отъ существующаго у нихъ обыкновенія натирать тѣло рыбьимъ жиромъ. Женщины на Новой-Зеландіи не большаго роста, но не уродливы. Живутъ эти островитяне почти такъ же долго, какъ и Европейцы; со стариками обходятся они

съ большимъ уваженіемъ, и, несмотря на то, что они очень вспыльчивы, посредничество старика всегда бываетъ достаточно для того, чтобы унять какую бы то ни было ссору. Ново-Зеландцы мстительны и рѣдко прощаютъ обиду, но за то если помирятся между собой, то уже всегда на долго и безъ обмана. Хотя они вообще нравомъ суровы и задумчивы, но подъ часъ непрочь и повеселиться. Эти дикари очень любятъ подражать Европейцамъ, и трудно себѣ представить что нибудь смѣшнѣе Ново-Зеландца, перенимающаго не только обычаи, но и каждое движеніе путешественниковъ. Ново-Зеландцы всѣ людодѣды; самое лакомое ихъ блюдо — кусокъ мяса убитаго врага. Эта ужасная привычка была причиною того, что Европейцы долго не смѣли довѣриться гостепріимству этихъ дикарей. И, въ самомъ дѣлѣ, опасно было бы явиться къ нимъ, не заискавъ предварительно ихъ дружбы; но какъ только они скажутъ: «пойдемъ съ нами»,

то можно на нихъ положиться: это своего рода обѣщаніе покровительства, котораго они никогда не нарушаютъ.

Несмотря на то, что Ново-Зеландцы находятся еще въ совершенномъ невѣжествѣ, у нихъ есть свое духовенство и сословіе благородныхъ; послѣднихъ существуетъ нѣсколько степеней. Народъ состоитъ изъ нѣсколькихъ племенъ, и каждое племя имѣетъ своего начальника изъ благородныхъ, который и управляетъ ими какъ хочетъ. Низшее сословіе народа составляютъ невольники, и никто изъ нихъ не имѣетъ права на повышеніе въ степень благороднаго.

Всѣ эти племена безпрестанно воюютъ одни съ другими. У нихъ иначе и быть не можетъ, потому что благородные смотрятъ на войну какъ на единственное занятіе, которое было бы ихъ достойно, и они, какъ только соскучатся безъ дѣла, всегда находятъ предлогъ для нарушенія мира съ сосѣднимъ племенемъ. Рѣдко про-

ходить нѣкоторое время безъ того, чтобы не было большихъ сраженій, и часто случается, что въ одномъ бою бываетъ отъ 2 до 3 тысячъ убитыхъ. Иногда, въ самомъ разгарѣ сраженія, когда побѣда еще колеблется, женщины бросаются въ середину схватки и терзаютъ другъ друга съ удивительнымъ остервенѣніемъ. Какъ только побѣжденные обратятся въ бѣгство, начинаютъ собирать мертвыхъ, добиваютъ раненыхъ и потомъ изъ этой груды труновъ готовятъ пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ побѣдители.

Странно, что эти островитяне, не имѣвшіе никакого понятія даже о величинѣ земли, знали по наслышкѣ о Наполеонѣ и его славныхъ побѣдахъ. Этому имъ было достаточно, чтобы считать Наполеона божествомъ: воинъ, выигравшій столько сраженій, по ихъ понятіямъ, долженъ быть выше человѣка; вслѣдствіе этого многіе начальники называли себя Наполеономъ.

Поединки въ большой чести у Ново-Зеландцевъ. За преступленія они обыкновенно наказываются тѣмъ же, въ чемъ виновны сами: за смерть — смертью, за кровь — кровью, за воровство — грабежемъ. Въ случаѣ смертнаго приговора за воровство, виновному отрубають голову и вѣшаютъ ее за волоса къ шесту.

Женамъ поручаются всѣ заботы о хозяйствѣ; мужчины же не имѣютъ постоянныхъ занятій; они ѣдятъ и ложатся спать когда имъ вздумается. На пирушкахъ женщины обыкновенно садятся возлѣ мужчинъ. Невольники приносятъ пить воду, налитую въ пустыя тыквы; полусырое мясо подаютъ на древесныхъ листьяхъ. Объ употребленіи вилокъ и ножей дикари не имѣютъ никакого понятія. Такъ какъ мясо подается нарубленнымъ, каждый беретъ руками кусокъ и потомъ разрываетъ его зубами.

Въ Новой-Зеландіи мужчины не женятся, а женщины не выходятъ замужъ

ранѣе двадцатилѣтняго возраста. По смерти жены, мужъ имѣетъ право тотчасъ же жениться снова; но женщина, потерявшая мужа, должна по обычаю, повѣситься, если хочетъ, чтобы уважали ея память; въ противномъ случаѣ, она заслужитъ общее презрѣніе.

Разрисовка тѣла, на прочихъ островахъ океана, служить только украшеніемъ и дѣлается лишь на поверхности кожи; но въ Новой-Зеландіи это — цѣлыя вырытыя борозды въ тѣлѣ. Туземцы, кажется, очень высоко цѣнятъ подобное отличіе, котораго низшему сословію народа имѣть не позволяется. Женщины не имѣютъ права выводить узоры по всему лицу, а только на бровяхъ, губахъ и подбородкѣ; плечъ же и другихъ частей тѣла разрисовывать имъ запрещается.

Жилища начальниковъ просторны: въ длину бываютъ отъ 15 до 18 футовъ, въ ширину отъ 8 до 10, а въ вышину около 6; дверей у нихъ не бываетъ, а вмѣсто ихъ

отверстіе фута въ 3 длиной и столько же шириною, которое запирается опускающею сверху доскою. Съ боку, не много повыше двери вырѣзается окно, запирающееся тростниковою рѣшеткою.

Хижины простаго народа разбросаны за городомъ, гдѣ онѣ образуютъ небольшіе деревеньки.

Каждое племя имѣетъ свою укрѣпленную деревню, въ которой и запирается, если предстоитъ опасность отъ сосѣдей. Почти всѣ эти крѣпостцы выстроены на возвышенныхъ мѣстахъ и обнесены двойнымъ частоколомъ, между которымъ обыкновенно выкапываютъ ровъ. Самая употребительная пища на островѣ Новой Зеландіи — папоротниковый корень. Бѣдняки на этомъ островѣ ничего больше и не ѣдятъ. Папоротниковый корень на вкусъ довольно пріятенъ и слизистъ. Богатые кромѣ того питаются сладкими овощами и картофелемъ; они ѣдятъ также крысъ и собакъ (другихъ четвероногихъ въ этой сторонѣ

не водится), птицами питаются рѣдко, но рыбы уничтожаютъ очень много. Лѣтомъ они ѣдятъ ее совершенно сырую, а зимой — высушенную. Случается, что они ловятъ и акулъ, мясо которыхъ очень любить; но больше всего эти дикари падки до человѣческаго мяса и съ наслажденіемъ съѣдаютъ враговъ, убитыхъ въ сраженіи. Часто они безъ зазрѣнія совѣсти зарѣзываютъ своихъ невольниковъ, для того только, чтобы утолить свою безобразную жадность. Свинину Ново-Зеландцы ѣдятъ далеко не такъ охотно, какъ людское мясо; въ особенности любятъ они лакомиться мясомъ женщинъ и дѣтей. Пьютъ они одну воду и терпѣть не могутъ нашихъ крѣпкихъ напитковъ, но чай, кофе и шоколадъ очень любятъ.

Вѣроисповѣданіе жителей острова Новой-Зеландіи почти совершенно непонятно. Боговъ у нихъ много; но одного изъ нихъ считаютъ они главнымъ. Островитяне эти увѣрены въ томъ, что когда человѣкъ

заболѣетъ, то одинъ изъ боговъ, превратясь въ ящерицу, забирается къ нему въ тѣло и грызетъ тамъ внутренности. Дикари думаютъ, будто бы громъ — огромная рыба, которая двигаясь съ шумомъ и трескомъ, производитъ тотъ гулъ, который они слышатъ при громовыхъ ударахъ.

Несмотря на такую путаницу суевѣрій, Ново-Зеландцы вѣрують въ безсмертіе души, которую принимаютъ за внутренняго духа, независимаго отъ тѣла. Они думаютъ, что тѣло и душа, неразлучныя при жизни, послѣ смерти расстаются: первые три дня душа будто бы носится еще около тѣла, а потомъ одинъ изъ боговъ уноситъ ее, смотря по заслугамъ въ жилище славы или стыда, а тѣло или нечистая часть человека, отправляется въ это время въ преисподнюю.

Кромѣ того, Ново-Зеландцы думаютъ, что, съѣдая тѣло врага, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, глотаютъ и его душу, которая, соединяясь будто бы съ ихъ душою, полу-

часть, такимъ образомъ, больше силы; такъ что душа какого нибудь ихъ начальника на томъ свѣтѣ будетъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе онъ при жизни поѣсть враговъ.

Ново-Зеландецъ, будучи увѣренъ въ томъ, что душа человѣка держится въ лѣвомъ глазу, убивая соперника, непременно вырветъ у него этотъ глазъ и съѣсть его. Кромѣ того, они имѣютъ обыкновеніе пить кровь убитаго, чтобы не навлечь на себя гнѣва побѣжденной души, имѣя при этомъ тотъ расчетъ, что она сама должна будетъ питаться выпитою побѣдителемъ кровью и потому не въ силахъ уже будетъ повредить ему.

Похоронные обряды у Ново-Зеландцевъ бываютъ вообще торжественны, въ особенности же, если умеръ человѣкъ изъ сословія благороднаго или духовнаго. Тѣло покойника оставляютъ лежать на три дня, потомъ обвертываютъ его съ большими почестями въ саванъ и погребаютъ съ пѣс-

блями, въ которыхъ покойника обыкновенно расхваливаютъ. Все это кончается пирушкой, а иногда и сраженіемъ въ честь покойника. Когда умираетъ начальникъ племени, на могилѣ его убиваютъ нѣсколько принадлежавшихъ ему невольниковъ; ихъ съѣдаютъ на пирушкѣ, послѣ которой принимаются грабить домъ умершаго начальника.

Головы враговъ, убитыхъ въ сраженіи, берегутся какъ добыча; ихъ старательно опоражниваютъ и сушатъ на солнцѣ, такимъ образомъ, чтобы волосы и борода совершенно сохранились. Мясо съѣдается тотчасъ же, а изъ костей побѣдители выдѣлываютъ удочки, небольшія копья и другія вещи.

Если Ново-Зеландецъ желаетъ выказать иностранцу свое особенное уваженіе, онъ медленно подойдетъ къ нему, потрется съ нимъ носъ объ носъ и дунетъ ему на губы, при чемъ, по его понятію, души ихъ въ это время соприкасаются одна съ другой.

Птицъ на островѣ Новой-Зеландіи немно-
го; изъ животныхъ водятся только собаки
да крысы.

Въ такомъ положеніи была Новая-Зелан-
дія, когда Дюмонъ-Дюрвиль вышелъ отту-
да 19 марта 1827 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Астролябія» приходитъ на островъ Тонга-Табу (*).
Нравы туземцевъ. — Законы. — Вѣроисповѣданіе. —
Странныя суевѣрія. — Война.

Выдержавъ 12-дневную бурю и цѣлый
мѣсяцъ тяжелаго плаванія, которое за-
труднялось жестокостію вѣтра, «Астроля-
бія» пришла къ острову Тонга-Табу, жи-
тели котораго тотчасъ выказали Францу-
замъ свое расположеніе.

27 апрѣля Дюмонъ-Дюрвиль отправился
на берегъ, гдѣ его приняли съ большимъ
радушіемъ. На этомъ островѣ — говоритъ

(*) Островъ этотъ лежитъ къ сѣверу отъ Новой-
Зеландіи.

Дюмонъ—Дюрвиль — климатъ умѣренный, воздухъ чистый и земля очень плодородна. Землетрясенія тамъ случаются довольно часто.

Жителей около пятнадцати тысячъ, и третья часть изъ нихъ можетъ нести оружіе. Они большею частію роста довольно высокаго, красиво сложены и на видъ лучше Ново-Зеландцевъ. Эти островитяне великодушны, услужливы и гостепріимны, но въ то же время жадны, дерзки и большіе притворщики. Они кажутся смирными, но надѣлены удивительною силою воли; такой свирѣпой запальчивости, какъ у Ново-Зеландцевъ, у нихъ нѣтъ, и если имъ въ чемъ откажутъ, то это ихъ не возмущаетъ. Обиду переносятъ они, по видимому, довольно спокойно, но при случаѣ все-таки отмстятъ непременно. Эти дикари очень привязаны къ своимъ родителямъ, друзьямъ и начальникамъ и обращаются между собой кротко и дружелюбно. Начальники, съ своей стороны,

очень милостивы къ подчиненнымъ. Съ женами дикари обходятся хорошо и дѣтей своихъ любятъ, стариковъ также уважаютъ и заботятся о нихъ.

У этого народа есть разныя званія. Главную духовную особу они очень почитаютъ, и она имѣетъ у нихъ весьма большую власть, все равно, какъ папа въ Римѣ.

Званіе благороднаго переходитъ на этомъ островѣ отъ женскаго пола, такъ что, если мать ребенка не благородная, то кто бы ни былъ отецъ его, ребенокъ остается въ томъ же званіи, въ которомъ находится его отецъ; но когда отецъ изъ низшаго сословія, а мать благородная, то и сынъ дѣлается благороднымъ.

Очень любятъ эти туземцы употреблять особенный напитокъ, который они добываютъ, дѣлая настой изъ сока извѣстныхъ растений и разбавляя его водой. Питье это невкусно, сладковато, съ остротой и дурнымъ запахомъ; но жители Полине-

зіи (*) вообще до него очень падки. Если много выпить этого зелья, можно и опьянѣть; частое его употребленіе дѣлаетъ даже слабоумнымъ. Жители островка *Тонга-Табу* не принимаютъ ни за какое важное дѣло, не выпивъ прежде своего зелья, которое они называютъ *кавой*. Эта кава имѣетъ у нихъ вообще большое значеніе; иностранцу ее подадутъ не иначе, какъ въ знакъ особеннаго уваженія.

Народъ этотъ — мастеръ дѣлать челноки, точить изъ китовыхъ зубовъ ожерелья, вязать невода и обтачивать камни, которыми они во время сраженія бьютъ непріятеля въ голову. Эти дикари имѣютъ обыкновеніе разрисовывать себѣ тѣло разными узорами, но не портятъ кожи напѣчками, какъ это дѣлается на островѣ *Новая-Зеландія*.

Дома на островкѣ *Тонга-Табу* прочные

(*) Подъ именемъ Полинезій разумѣютъ части острововъ Тихаго океана.

и опрятные; видъ они имѣютъ продолговатый или круглый. У начальниковъ дома очень обширны. Хозяинъ и хозяйка дома спать всегда особо и на постоянномъ мѣстѣ, а остальное семейство — на полу, гдѣ придется; прислуга помѣщается въ небольшихъ сосѣднихъ шалашахъ. Вмѣсто постелей, дикари употребляютъ циновки, а вмѣсто одѣялъ — свою одежду. Домашняя утварь ихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ чашекъ, въ которыхъ разносятъ питье, нѣсколькихъ бутылокъ, сдѣланныхъ изъ тыквы для воды, скорлупъ изъ большихъ орѣховъ, гдѣ хранятъ масло, которымъ натираютъ они себѣ тѣло.

Питаются туземцы корнями, сладкими плодами, называемыми бананами, кокосовыми орѣхами, рыбой и слизью, которая находится въ раковинахъ. Свиней, живность и черепахъ берегутъ для начальниковъ, а простой народъ кормится крысами.

Вся одежда мужчинъ и женщинъ состоитъ изъ ткани, которую они обвиваютъ

себѣ около поясицы и завязываютъ кушакомъ.

Купаются туземцы каждый день, иногда по нѣскольку разъ въ день. Стараніе, съ которымъ эти дикари натираютъ себѣ тѣло масломъ, дѣлаетъ ихъ кожу мягкой и красивою. Пѣніе дикарей близко подходитъ къ разговору; оно состоитъ изъ припѣвовъ къ разнымъ пляскамъ и обрядамъ. У нихъ есть свои флейты и барабаны, устроенные съ большою находчивостію.

Все равно какъ и жители Новой-Зеландіи, жители Тонга-Табу признаютъ много боговъ. Всѣ эти боги называются у нихъ однимъ именемъ.

Одинъ изъ законовъ на островѣ Тонга-Табу, существующій также и въ Новой-Зеландіи, состоитъ въ особаго рода запрещеніи, которое дикари называютъ по своему «Табу». Запрещеніе это налагается жрецами и начальниками на человѣка или какую нибудь вещь. Иногда и самъ начальникъ подъ запрещеніемъ и тогда ни-

кто не смѣетъ его ни тронуть, ни взглянуть на него; а кто ослушается, того жестоко наказываютъ или приговариваютъ къ смерти. Частный человѣкъ можетъ наложить вѣчное или же временное запрещеніе на какую нибудь часть своего имущества.

Въ настоящее время на Сандвичевыхъ островахъ, а также и во многихъ другихъ мѣстахъ запрещенія эти, вліяніемъ Европейцевъ, совершенно уничтожены. На островѣ Тонга-Табу мѣсто, гдѣ похороненъ начальникъ, или участокъ земли, посвященный одному изъ боговъ, становится запрещеннымъ, или «*Табу*». На этихъ запрещенныхъ мѣстахъ закономъ не позволяется воевать. Тотъ, кто коснется умершаго начальника, этимъ самымъ подвергается запрещенію, которое снимается съ виновнаго не раньше, какъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Запрещается также употреблять съѣстные припасы, тронутые начальникомъ, или же ѣсть въ

присутствіи старшаго родственника если онъ можетъ это видѣть; когда же родственникъ повернется задомъ, тогда можно.

Человѣка, обвиненнаго въ воровствѣ, приговариваютъ на островъ Тонга-Табу къ купанью въ такихъ мѣстахъ, гдѣ водится много акулъ. Если акулы его укусятъ или съѣдятъ, это знакъ, что обвиняемый точно былъ воръ.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ праздниковъ на этомъ островѣ состоитъ изъ священныхъ обрядовъ, во время которыхъ уничтожается несмѣтное количество съѣстныхъ припасовъ; въ особенности же праздникъ широко празднуется, если онъ совпадетъ съ какимъ нибудь другимъ, какъ, напримѣръ, съ возвращеніемъ начальника послѣ долгаго отсутствія или со свадьбой важной особы. Другой обрядъ, похожій на этотъ, производится въ то время, когда приносятъ жертву тому богу, который, по понятіямъ дикихъ, располагаетъ землей, водой, огнемъ и воздухомъ. Нако-

нецъ есть у нихъ еще жестокой обычай для излеченія больного родственника: съ этимъ намѣреніемъ они удавливаютъ ребенка и приносятъ его въ жертву своимъ богамъ, думая этимъ умилоствовать бога. Убіійство, въ этомъ случаѣ, обыкновенно поручается родственнику больного или родственнику ребенка. Дѣтей убиваютъ еще и тогда, когда захочетъ этого начальникъ, съ намѣреніемъ укротить гнѣвъ ихъ боговъ и будто бы для благополучія страны.

Разныя предзнаменованія имѣютъ большое значеніе на островѣ Тонга: по понятіямъ жителей, громъ и молнія предвѣщаютъ войну или какое нибудь несчастіе; чиханье — также дурной знакъ; птица, упавшая послѣ быстрого полета къ чьимъ нибудь ногамъ — зловѣщее предсказаніе. Жители Тонга-Табу, когда ихъ одолѣютъ болѣзни или какой недугъ, не довольствуются однѣми молитвами, жертвами и колдовствомъ: они принимаютъ и лекар-

ства, составленныя изъ настоя разныхъ растений; они также открываютъ кровь, дѣлая острыми раковинами насѣчки на рукахъ и на ногахъ.

Островъ Тонга-Табу управляется нѣсколькими начальниками, независимыми одинъ отъ другаго и которые имѣютъ обыкновеніе содержать при себѣ большой дворъ.

Изъ животныхъ водятся на этомъ островѣ только крысы; птицъ также немного.

19 мая 1827 года, въ то время, когда «Астролябія», надѣливъ жителей подарками, готовилась отойти отъ береговъ, съ нашими моряками чуть было не случилась большаго несчастія: дикари, во время пребыванія корвета у острова, были тихи и привѣтливы и даже подавали помощь матросамъ; но въ день отправленія корвета, дикари, съ ловко придуманною хитростію, завладѣли одною изъ шлюпокъ, принадлежавшихъ корвету. На шлюпкѣ находились одинъ ученикъ и нѣсколько человѣкъ ма-

тросовъ. Точно такимъ же образомъ, въ
прежнее время, хотѣли эти дикари похи-
тить капитана Кука (*). Дюмонъ-Дюрвиль
долженъ былъ употребить насиліе, чтобы
заставить дикарей возвратить плѣнныхъ
Французовъ. Сначала дикари привезли
только ученика, обѣщая возвратить и ос-
тальныхъ; но этимъ они думали только вы-
играть время, для того, чтобы, успѣвъ
укрѣпиться въ своей деревнѣ, снова зав-
лечь моряковъ въ какую нибудь западню.

Дюмонъ-Дюрвиль, съ своимъ корветомъ,
подошелъ къ подводнымъ камнямъ, за ко-
торыми укрывались островитяне, и сталъ
стрѣлять изъ корветскихъ орудій по дика-
рямъ, собравшимся въ числѣ 4 или 5 тысячъ
человѣкъ около укрѣпленія. Дикари были

(*) Капитанъ Кукъ былъ Англичанинъ; службу
свою онъ началъ матросомъ и самоучкою изучилъ
разныя морскія науки; впослѣдствіи былъ капита-
номъ корабля и три раза ходилъ вокругъ свѣта. Въ
этотъ послѣдній разъ онъ былъ убитъ дикими на
Сандвичевыхъ островахъ, въ 1779 году.

вооружены заостренными камнями и, кромѣ того, ружьями, стрѣлами и копьями. Первые два дня островитяне, прикрытые песчаными окопами, выдерживали французскую артиллерию; но наконецъ, утомленные этого рода войною, они 20 числа рѣшились отпустить плѣнныхъ, которые и возвратились на корветъ.

Послѣ этого приключенія «Астролябія» снялась съ якоря и отправилась къ островамъ «Вити» (*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пребываніе у острововъ Вити. — Нравы и обычаи туземцевъ. — Напрасные поиски для отысканія товарищей Лаперуза. — Стоянка у другаго острова. — Племена дикарей. — Приходъ въ мѣстечко Гобартоунъ.

Дюмонъ-Дюрвиль употребилъ 20 дней на то, чтобы, плавая архипелагомъ Вити, осмотрѣть и изучить много острововъ,

(*) Этимъ именемъ называется архипелагъ или собраніе острововъ въ Тихомъ океанѣ.

большихъ и малыхъ, до того времени неизвѣстныхъ. «Астролябія», пройдя благополучно между множествомъ подводныхъ камней, отмелей и буруновъ, подвергавшихъ корветъ еще большимъ опасностямъ чѣмъ тѣ, которыя онъ выдерживалъ прежде, — «Астролябія» остановилась наконецъ у одного изъ самыхъ большихъ острововъ архипелага Вити.

Жители этихъ острововъ составляютъ часть поколѣнія другихъ дикарей, живущихъ на островѣ *Новая-Гвинея*. На видъ они довольно красивы; цвѣтъ кожи ихъ темный; верхняя часть лица очень широкая; носъ и губы толсты; волосы черные, густые и курчавыя. Нѣкоторые изъ нихъ намазываютъ волосы известью, а другіе — толченымъ углемъ, смѣшаннымъ съ саломъ.

Эти дикари искалываютъ себя узорами грудь и руки, потомъ на узорахъ дѣлаютъ маленькія раны, которыя, нагнаивая, превращаются въ отвратительныя язвы.

Туземцы острововъ Вити выдѣлываютъ особенные глиняные сосуды, не встрѣчающіеся въ другихъ мѣстахъ. Они ѣдятъ убитыхъ враговъ и любятъ это ужасное кушанье даже болѣе, чѣмъ Ново-Зеландцы.

Правителямъ этихъ острововъ, дикари платятъ подать китовыми зубами, которые у нихъ употребляются вмѣсто денегъ; платятъ также подать челноками, цыновками, кокосовыми нитями, изъ которыхъ они дѣлаютъ веревки; платятъ также дань плодами, раковинами, курами, свиньями и другими припасами.

Эти народы думаютъ, что душа послѣ смерти человѣка отправляется къ одному изъ боговъ, котораго они называютъ создателемъ солнца, земли и всего, что есть на свѣтѣ. Они увѣрены также въ томъ, что души съѣденныхъ, убитыхъ или казненныхъ, равно и души добрыхъ и злыхъ соединяются съ этимъ богомъ.

При рожденіи и похоронахъ у нихъ не бываетъ никакихъ обрядовъ: священ-

никъ или жрецъ только посѣщаетъ больного. Людей въ жертву не приносятъ, а отдѣлываются въ этомъ случаѣ однѣми свиньями. Идоловъ не имѣютъ; но есть у нихъ много жилищъ, почитаемыхъ священными.

Одинъ изъ самыхъ страшныхъ обычаевъ на островахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, состоитъ въ томъ, чтобы, при смерти короля и королевы или какого нибудь большаго начальника, обрѣзать себѣ на лѣвой рукѣ или ногѣ палецъ.

Мужчины здѣсь такъ же, какъ и на островѣ Тонга, выпиваютъ очень много особеннаго напитка, составляемаго изъ настоя растеній; но пьютъ его только одни мужчины. Женщины, которыя, какъ и въ Новой-Зеландіи, почти невольницы, не смѣютъ ни ѣсть, ни пить при мужчинахъ.

Охотою за звѣрьми и рыбною ловлею занимаются женщины, на которыхъ также лежитъ и все хозяйство; заботятся онѣ

о немъ съ похвальнымъ усердіемъ и не жалѣя своихъ трудовъ.

Главное оружіе этихъ островитянъ — заостренные камни, копья и стрѣлы. Вообще эти дикари ловки и сильны. Оружіе въ ихъ рукахъ, даромъ что такое простое, гораздо опаснѣе, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда.

Мужчины никогда не брѣютъ бороды, но за то стригутъ очень тщательно свои волосы.

По смерти какой нибудь важной особы, есть обычай убивать на его могилѣ нѣсколько женщинъ.

И у этого народа людоедство въ большой чести: убитыхъ въ сраженіи съѣдаютъ тотчасъ же, да еще и съ пѣснями. Для такихъ пирушекъ дикари рѣжутъ тѣло на нѣсколько кусковъ и варятъ ихъ. Страсть и нетерпѣніе ихъ при этомъ такъ велики, что они часто вытаскиваютъ изъ огня куски еще почти живаго мяса. Правители разныхъ острововъ Вити пересылаются

между собой послами и мѣняются подарками, состоящими преимущественно изъ китовыхъ зубовъ, которые у нихъ все равно, что деньги.

Жители этихъ острововъ народъ хитрый и нечистый на руку, хотя за воровство и наказываютъ у нихъ смертію.

Сложены они крѣпко; нрава жестокаго и неуступчиваго. Грубость ихъ лица кажется еще поразительнѣе отъ чернаго цвѣта кожи. Они носятъ ожерелье изъ человѣческихъ зубовъ.

«Астролябія», пройдя во всю длину острова, у котораго останавливалась, открывала много другихъ островковъ, болѣе или менѣе возвышенныхъ и окруженныхъ опасными подводными камнями, — мѣста, которыя были замѣчены, съ тѣмъ, чтобы, въ избѣжаніе опасности, предупредить объ этомъ прочихъ моряковъ.

Изучивъ мѣстность острововъ архипелага Вити, «Астролябія» направилась къ

южной части Гебридскихъ острововъ (*). 12 іюня съ корабля увидѣли небольшой и высокій островокъ; а на слѣдующій день открылся другой, съ высокими горами, образующими у взморья ровную и узкую долину.

«Астролябія» направилась къ западу и черезъ три дня увидала другое собраніе острововъ, состоящее изъ четырехъ большихъ и десяти или двѣнадцати маленькихъ. Всѣ они болѣе или менѣе населены, низменны и не лѣсисты.

Дюмонъ—Дюрвиль далъ имена всѣмъ этимъ островамъ и нѣкоторые изъ нихъ назвалъ по имени французскаго морскаго министра и другихъ начальниковъ флота, снарядившихъ въ походъ корветъ «Астролябія». Послѣ того Дюмонъ—Дюрвиль продолжалъ путь свой къ сѣверной части ос-

(*) Гебридскіе острова находятся въ Великомъ океанѣ, къ востоку отъ Новой-Голландіи и къ западу отъ архипелага Вити.

трова Новая-Каледонія, находящагося недалеко отъ прежнихъ острововъ и окруженнаго множествомъ подводныхъ камней. Здѣсь Дюмонъ-Дюрвиль осмотрѣлъ и описалъ ту часть берега, которая еще не была извѣстна, и, такимъ образомъ, дополнилъ описанія, составленныя до него другими моряками. Оттуда Дюмонъ-Дюрвиль отправился, по тому же направленію, къ собранію острововъ по имени Луизіада (на юго-востокъ отъ острова Новая-Гвинея). Чтобы добраться до нихъ, нужно было пройти большое разстояніе по морю, не видя береговъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и безопасное. Одинъ англійскій капитанъ увѣрялъ, что тамъ можно встрѣтить острова; но «Астролябія», употребившая на этотъ переходъ восемь дней, не видала никакихъ признаковъ земли. Съ тѣхъ поръ потеряли надежду найти въ этихъ мѣстахъ какіе нибудь слѣды крушенія Лаперуза.

29 іюня замѣтили берегъ Луизіады и въ

то же время открыли новый, невысокій и небольшой островокъ.

«Астролябія», пройдя на южную сторону Луизіады, направилась къ опасному Торресову проливу (этотъ проливъ отдѣляетъ островъ Новую-Гвинею отъ Новой-Голландіи); но скоро Дюмонъ-Дюрвиль отказался отъ своего намѣренія: множество подводныхъ камней покрывало дно этого пролива. Онъ рѣшился немедленно приступить къ изученію южныхъ береговъ острова Новой-Британіи и сѣверныхъ береговъ Новой-Гвинеи.

1 іюля 1827 года Дюмонъ-Дюрвиль осмотрѣлъ еще нѣсколько островковъ, недавно открытыхъ и еще мало извѣстныхъ. Три дня онъ употребилъ на то, чтобы составить о нихъ подробное описаніе. Острововъ этихъ счетомъ девять; всѣ они низменные, небольшіе и очень близко одинъ отъ другаго, наполнены кокосовыми деревьями и самою богатою зеленью, такъ что острова эти кажутся садами, посажен-

ными по срединѣ моря. Послѣ этого Дюмонъ—Дюрвиль отправился къ гавани одного изъ Соломоновыхъ острововъ (они расположены недалеко отъ большаго острова Новая-Британія, на юго-востокъ отъ него). Погода, во время этого перехода, была ужасная и море очень бурно.

6 іюля корветъ пришелъ на мѣсто и сталъ на якорь у острова Кокосовъ, имѣющаго видъ большой площадки, подъ защитой высокихъ растеній, стволы которыхъ стоятъ отдѣльно, какъ столбы, но наверху сплетаются своими вѣтвями и образуютъ сплошной сводъ зелени. Корветъ простоялъ здѣсь только тринадцать дней, и въ это время моряки успѣли сдѣлать много ученыхъ замѣчаній и собрать разныя мѣстныя рѣдкости. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ корветъ, моряки видѣли много крокодиловъ и даже поймали одного очень большаго, имѣвшаго $12\frac{1}{2}$ футовъ длины.

Крокодиломъ называютъ родъ ящерицы огромнаго роста, съ двойнымъ рядомъ зу-

бовъ и очень опасную. Крокодилъ живетъ въ водѣ и на берегу.

19 іюля Дюмонъ-Дюрвиль снова вышелъ въ море, имѣя желаніе подойти къ острову Новая-Британія и осмотрѣть его. Дурная погода и сильныя морскія теченія, безпрестанно измѣнявшіяся по всѣмъ направленіямъ, очень затрудняли плаваніе, которое поэтому и продолжалось долѣе обыкновеннаго. Однако, морякамъ удалось довольно подробно осмотрѣть этотъ островъ и узнать, что съ восточной его стороны—множество невысокихъ и лѣсистыхъ островковъ, пересѣкающихся между собой по всѣмъ направленіямъ. Мѣста этихъ островковъ опредѣлили и записали. Въ этихъ опасныхъ мѣстахъ раза два или три случилось, что корветъ сильнымъ теченіемъ отнесло, совершенно неожиданно, близко къ берегу, между тѣмъ, какъ моряки считали себя, по крайней мѣрѣ, миляхъ въ тридцати отъ земли. Наконецъ, 2 августа, корветъ «Астролябія» перешелъ проливъ,

отдѣляющій островъ Новая-Британія отъ острова Новая-Гвинея. На этомъ переходѣ корветъ два раза коснулся подводныхъ камней; по счастію, на корветѣ не оказалось отъ этого никакого поврежденія.

Пройдя проливъ, начали осматривать сѣверный берегъ острова Новая-Гвинея: работа эта продолжалась съ 3 до 25 августа, безъ пропусковъ на пространствѣ слишкомъ въ 350 миль. Осмотрѣли подробно и изучили всѣ окрестные острова, извѣстные уже прежде, и открыли пятнадцать или двадцать другихъ, ближайшихъ къ берегу и не видѣнныхъ никѣмъ до Дюмонъ-Дюрвиля. Разузнали о нѣкоторыхъ морскихъ входахъ и гаваняхъ на островѣ Новая-Гвинея и составили на бумагѣ очертаніе его береговъ.

На всемъ протяженіи приморскаго берега острова Новая-Гвинея, Дюмонъ-Дюрвиль нашелъ только одинъ очень хорошій и вполне надежный входъ для стоянки кораблей, которые бы захотѣли тамъ оста-

новиться. Этотъ входъ онъ назвалъ «Гумбольдтомъ», въ честь одного знаменитаго ученаго человѣка. По обѣимъ сторонамъ входа, словно два огромныхъ часовыхъ, стоятъ горы, которымъ Дюмонъ—Дюрвиль далъ свои имена и которыя указываютъ морякамъ входъ издали, миль за двадцать.

Въ мѣстечкѣ Дорей, «Астролябія» пробыла одиннадцать дней и собрала тамъ много полезныхъ свѣдѣній и запасовъ. Челноки туземцевъ безпрестанно окружали корветъ. Дикари были разговорчивѣе и обращались съ моряками вольнѣе, чѣмъ прежде, когда тотъ же корветъ заходилъ къ нимъ въ первый разъ, такъ что теперь морякамъ было удобнѣе осматривать и дѣлать поѣздки во внутренности острова. Пребываніе въ этомъ мѣстѣ было бы для «Астролябіи» самымъ удачнымъ, еслибъ только наканунѣ ухода съ ними не случилось несчастія: одного изъ матросовъ, бывшихъ на берегу, дикіе ранили стрѣлою. Это всѣхъ встревожило и заставило охотниковъ воз-

вратиться немедленно съ земли на корветъ. Сами дикари перепугались, когда за этимъ послѣдовалъ съ корвета пушечный выстрѣлъ. Они увѣряли, что нисколько не виноваты въ томъ, что матросъ получилъ рану. Въ самомъ дѣлѣ, могло случиться, что стрѣла была пущена какимъ нибудь дикаремъ изъ другаго племени, живущаго далѣе во внутренности острова и которое вмѣстѣ съ тѣмъ было заклятымъ врагомъ приморскихъ жителей. Несмотря на то, что матросъ былъ раненъ опасно, онъ выздоровѣлъ, и случай этотъ не имѣлъ никакихъ другихъ послѣдствій.

Въ мѣстечкѣ Дорей хотя и невелика гавань, но корабли всякаго размѣра могутъ имѣть въ ней надежное пристанище. Берега этого мѣстечка окружены большими лѣсами и папоротниками выше роста человѣческаго. Сѣверная часть мѣстечка славится богатою почвой, но обрабатывается плохо, потому что тамошніе дикари — народъ лѣнивый и слабоумный.

На видъ они сухопарые, роста средняго; лица имѣютъ довольно пріятныя и продолговатыя, выдавшіяся впередъ скулы, тонкія губы, маленькій ротъ, кожу нѣжную и хотя очень смуглую, но не черную. На тѣлѣ у нихъ волосъ мало; борода жиденькая, волосы всегда курчавые; они имѣютъ привычку ихъ завивать. Большая часть сѣвернаго берега острова Новая-Гвинея населена однимъ и тѣмъ же племенемъ дикарей; но есть тамъ и другая порода, у которой лица почти четвероугольныя и угловатыя и какъ будто сплюсценныя. На видъ они очень некрасивы: скулы у нихъ выдаются впередъ, рты большіе, губы толстыя, носы приплюснутые, кожа грубая и темнаго цвѣта; лица у нихъ грязныя и закопченныя. Эти дикари волосы свои убираютъ особеннымъ образомъ: втыкаютъ въ нихъ цвѣтныя перья, палочки или же закрываютъ ихъ кускомъ какой нибудь матеріи.

Существуетъ еще и третье племя — ма-

ленькое, проворное и сильное, съ грубыми лицами, свирѣпымъ взглядомъ, худощавое и съ цвѣтомъ лица, похожимъ на сажу; они выводятъ себѣ узоры на тѣлѣ рубцами, ходятъ обыкновенно или совсѣмъ голые, или обвязаны только поясомъ; волосы свои оставляютъ распущенными какъ ни попало или же довольствуются тѣмъ, что свертываютъ ихъ въ клочки. Кажется, что это-то племя и есть настоящіе жители тамошняго мѣста.

Эти островитяне подчинены власти одного начальника, который живетъ на другомъ островѣ, довольно далеко отъ нихъ; но, несмотря на дальнее разстояніе, этотъ начальникъ ежегодно получаетъ отъ своихъ подданныхъ приношенія и подать, состоящую изъ черепахъ, дорогихъ птицъ и невольниковъ обоего пола.

Главное племя дикарей очень недовѣрчиво къ другимъ. Они имѣютъ обыкновеніе ставить на своихъ могилахъ идоловъ и носить ладонки на шеѣ или въ ушахъ. Есть

у этихъ дикарей кое-какая рѣзная работа изъ камня и другихъ вещей, но работа довольно грубая. Родителямъ своимъ они какъ будто поклоняются и усердно заботятся объ ихъ могилахъ.

У этого народа мужчины выдѣлываютъ цыновки изъ листьевъ деревь, называемыхъ бананами, а женщины изготовляютъ довольно грубую глиняную посуду. Оружіе ихъ ооставляютъ луки, стрѣлы, копья, щиты и большіе желѣзные ножи, служащіе въ то же время и кухонною принадлежностію.

Эти дикари питаются мясомъ черепахи, сагой (особаго рода питательная крупа, добываемая изъ мѣстныхъ деревь), рыбой, плодами и кореньями. Съѣстные припасы жарятъ они на горячихъ угляхъ или на рѣшеткахъ, которыя устраиваются на возвышеніи надъ очагомъ. Этимъ послѣднимъ способомъ чаще всего они варятъ рыбу. Они также жуютъ разныя растенія, смѣшанныя съ известью. Главное племя ту-

земцевъ искалываетъ себѣ тѣло, выводя на кожѣ небольшіе узоры, между тѣмъ, какъ другое племя тѣхъ же дикарей дѣлаетъ, съ этою цѣлью, глубокія насѣчки на тѣлѣ.

Всѣ они носятъ кольца и серьги, сдѣланныя изъ раковинъ или изъ черепаховой скорлупы.

У нихъ есть одинъ музыкальный инструментъ въ родѣ барабана, покрытый съ одной стороны шкурою ящерицы.

Нравъ у этихъ народовъ простой и кроткій; они неглупы и лукавы. Последнее доходить у нихъ иногда даже до коварства. Мужчины у нихъ всѣ маленькаго роста, а женщины по большей части безобразны.

«Астролябія», выйдя изъ этого мѣста 6 сентября, 25 остановилась у Молуккскихъ острововъ (*).

(*) Эти острова расположены къ западу отъ острова Новая-Гвинея.

для того, чтобы исправить поврежденія, сдѣланныя прежде на подводныхъ камняхъ, близъ острова Тонга-Табу. Мѣстные власти на Молуккскихъ островахъ приняли очень дружески Дюмонъ-Дюрвиля. Офицеры корвета дѣлали поѣздки во внутренность страны, съ тѣмъ, чтобы увеличить свое собраніе рѣдкостей.

Наконецъ, исправивъ всѣ поврежденія и замѣнивъ вышедшую провизію свѣжею, «Астролябія» отправилась въ море 10 октября 1827 года и миновавъ Молуккскіе острова, направила путь свой на Ванъ-Дименову Землю, находящуюся по южную сторону Новой-Голландіи, которую надобно было обойти для этого съ двухъ сторонъ. 29 числа корветъ былъ застигнутъ свѣжими и восточными вѣтрами, которые понесли его съ быстротою къ берегамъ Ванъ-Дименовой Земли.

16 декабря «Астролябія» стала на якорь у входа въ каналъ, надежно укрытый отъ вѣтра и названный именемъ одного

французскаго моряка, который первый замѣтилъ это мѣсто. Выйдя оттуда, корветъ «Астролябія» остановился 20 декабря подѣстами вновь строящагося города, по имени Гобартъ-Тоунъ, расположеннаго на берегахъ красивой рѣки Дервентъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пребываніе Дюмонъ-Дюрвиля въ Гобартъ-Тоунѣ. — Земля Ванъ-Дименова. — Описаніе страны. — Правы и обычаи жителей. — Незавидное положеніе женщинъ. — Племена туземцевъ уменьшаются.

Дюмонъ-Дюрвиль не располагалъ долго оставаться на Ванъ-Дименовой Землѣ: онъ спѣшилъ возвратиться на островъ Новая-Зеландія для того, чтобы изучить этотъ край, который до того времени былъ очень мало извѣстенъ. Но, пріѣхавъ въ Гобартъ-Тоунъ, онъ услышалъ, что одинъ англійскій капитанъ говорилъ, будто бы нашелъ въ этихъ мѣстахъ слѣды крушенія Лаперуза; а такъ какъ Дюмонъ-Дюрвиль, при выѣздѣ изъ Франціи, получилъ прика-

заніе отыскать эти мѣста, то онъ и рѣшил-
ся остаться тамъ столько времени, чтобы
разузнать что нибудь о крушеніи Лаперу-
за. Гобартъ-Тоунъ, столица Ванъ-Димено-
вой Земли, былъ уже въ то время большимъ
городомъ, выстроеннымъ такъ же, какъ и
европейскіе города. Большая часть улицъ
тамъ, однакожь, не вымощены: ходить по
нимъ трудно; впрочемъ, на нѣкоторыхъ
есть дорожки для пѣшеходовъ. Пыль, ко-
торая тамъ постоянно поднимается, почти
невыносіма. Дворецъ губернатора вы-
строенъ при заливѣ и окруженъ краси-
выми деревьями. Этотъ городъ находится
близъ равнины, которая стелется у подо-
швы горы, и выстроенъ на правомъ берегу
рѣки Дервентъ, въ 3 миляхъ отъ ея устья.
Въ 1827 году въ городѣ считалось около ты-
сячи домовъ и 7 тысячъ жителей; но въ го-
родѣ было такъ много дѣтей и иностран-
цевъ, что слѣдовало ожидать въ непродол-
жительномъ времени увеличенія народона-
селенія.

Миляхъ въ 4 отъ города находится нѣсколько красивыхъ хуторовъ, выстроенныхъ на весьма красивой мѣстности; далѣе за городомъ открываются самыя красивыя мѣста Ванъ-Дименовой Земли.

Съ одной стороны берега, недалеко отъ города, возвышаются взрытыя и высокія горы, а съ другой, совершенно напротивъ, тянутся богатые и плодородныя поля. Дюмонъ-Дюрвиль очень хорошо и подробно описываетъ дорогу, которая идетъ отъ Гобартъ-Тоуна къ другому городу. Прогулка по берегамъ рѣки Дервентъ и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ очень любопытна.

Ни на одномъ островѣ нѣтъ столько мѣстъ для остановокъ кораблей, какъ на островѣ Вамъ-Дименовой Земли: ее окружаютъ множество другихъ острововъ, большихъ и малыхъ; всѣ они очень недалеко отъ береговъ Ванъ-Дименовой Земли.

Растенія здѣсь почти тѣ же, что и въ Новой-Голландіи; но на Ванъ-Дименовой

Землѣ, кромѣ того, разводятся въ садахъ съ большимъ успѣхомъ, яблоки, груши, сливы, вишни и смородина; есть даже и апельсины, которые родятся тамъ довольно хорошо.

На островѣ Ванъ-Дименова Земля много разныхъ породъ животныхъ, между которыми есть одно, которое нападаетъ на скотъ и уничтожаетъ его; но людей это животное боится и завидя человѣка убѣгается.

Птицы почти тѣ же, какъ и въ Новой-Голландіи; змѣй много, но онѣ не такъ опасны. На приморскихъ берегахъ, въ заливахъ и рѣкахъ Ванъ-Дименовой Земли ловится очень много вкусной рыбы.

Дикари Ванъ-Дименовой Земли похожи на дикарей Новой-Голландіи; живутъ они преимущественно охотою и рыбною ловлею.

Каждое племя у нихъ имѣетъ своего начальника.

Для постройки шалашей дикари вты-

каютъ въ землю три шеста, связанные между собою наверху веревкою. Двѣ стороны этого шалаша забраны рѣшеткою и потомъ покрываются соломою.

Жители Ванъ-Дименовой Земли очень ловко владѣютъ копьями.

Мужчины у нихъ не вырываютъ себѣ переднихъ зубовъ, какъ это дѣлается въ Новой-Голландіи, а женщины лучше сложенны и красивѣе ново-голландскихъ. Онѣ также покорнѣе, смиреннѣе и усерднѣе; но, несмотря на это, мужья обходятся съ ними грубо и жестоко. Вотъ причина, по которой женщины часто оставляютъ свои племена, съ тѣмъ, чтобы пристать къ Европейцамъ; но если имъ понесчастливится снова попасть къ своимъ мужьямъ, тѣ обращаются съ ними съ страшною жестокостію.

Этотъ народъ такъ же неохотно поддается просвѣщенію, какъ и Ново-Голландцы. Островитяне Ванъ-Дименовой Земли избѣгаютъ всякаго сообщенія съ Англичанами,

и они забились въ самыя гористыя и неприступныя мѣста.

Такъ какъ число туземцевъ замѣтно уменьшается, то легко можетъ случиться, что племя это скоро исчезнетъ совершенно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Извѣстія о крушеніи Лаперуза. — Прибытіе на островъ Тикопія. — Нравы и обычаи жителей. — Прибытіе на островъ Ваникоро. — Открываются слѣды крушенія Лаперуза. — Остановка на Маріанскихъ островахъ. — Описаніе острова Целебеса. — Нравы и обычаи жителей. — Возвращеніе въ Европу.

Дюмонъ-Дюрвиль, собравъ на Ванъ-Ди-меновоѣ Землѣ всѣ нужныя ему свѣдѣнія, вышелъ оттуда 6 января 1828 года и отправился къ острову Ваникаро, съ намѣреніемъ отыскать слѣды крушенія Лаперуза, предполагая возвратиться потомъ черезъ Маріанскіе острова въ Европу. Проходя океаномъ по восточной сторонѣ Новой-Голландіи, наши моряки видѣли съ корвета, недалеко отъ острова Новая-Каледонія, огнедышащую скалу, изъ которой въ то

время на значительную высоту выбрасывало пламя. Дюмонъ-Дюрвиль говоритъ, что эта скала самая маленькая изъ всѣхъ огнедышащихъ скалъ, отдѣльно стоящихъ въ морѣ.

10 января корветъ подошелъ къ одному изъ Лаперузовыхъ острововъ (*), по имени Тикопія. Тутъ Дюмонъ-Дюрвиль нашелъ одного прусскаго матроса, знавшаго подробности о крушеніи Лаперуза. Этотъ Пруссакъ три недѣли тому назадъ прибылъ на Тикопію изъ Новой-Зеландіи. Онъ обѣщаль сначала проводить Дюмонъ-Дюрвиля до острова Ваникоро; но потомъ, когда пришло время сдержать свое обѣщаніе, онъ обмануль. Никто изъ туземцевъ также не согласился быть проводникомъ Дюмонъ-Дюрвиля, отговариваясь болѣзнію заразиться на пути лихорадкою. Пришлось взять въ проводники двухъ англійскихъ

(*) Острова эти находятся въ Тихомъ океанѣ, къ востоку отъ Ново-Гебридскихъ острововъ.

бѣглыхъ матросовъ, жившихъ уже десять мѣсяцевъ на островѣ Тикопія. Жители этого острова народъ добрый, веселый и сообщительный, во многомъ похожій на жителей острова Тонга. Роста они большаго, красиво сложены и ходятъ съ разрисованными на груди и на лицѣ узорами. Волосы у нихъ длинные и ровные; они обсыпаютъ ихъ известью, отчего и кажутся бѣлыми.

Дикари эти жуютъ листья разныхъ растений, смѣшанные съ известью, чѣмъ совершенно портятъ себѣ зубы. Нѣкоторые продѣваютъ въ уши и носъ черепаховыя кольца.

Питаются они одними растеніями; животныхъ, какія у нихъ есть, принимаютъ они за боговъ и, между прочимъ, особой породы угря, называютъ морскимъ богомъ.

Главное духовное лицо на островѣ—вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникъ главнаго правителя. Каждый правитель у нихъ имѣетъ своего особеннаго бога.

Передъ ѣдой туземцы бросаютъ всегда на землю часть своей пищи въ жертву богамъ.

При смерти родственниковъ, имѣютъ они обыкновеніе скоблить себѣ кожу до крови.

При исполненіи какихъ нибудь священныхъ обрядовъ, женщины этого острова не смѣютъ сами брать себѣ пищи, а получаютъ ее отъ мужчинъ, которые обходятся съ ними, какъ съ рабами. Войны туземцы не любятъ и заботливо избѣгаютъ всякой ссоры.

Кромѣ проказы, у нихъ нѣтъ другихъ болѣзней. Они думаютъ, что послѣ смерти всѣ пойдутъ на небо, предполагая, что злыхъ между ними нѣтъ вовсе. Предсказаній и колдуновъ они не имѣютъ.

Покойникамъ, передъ похоронами, дикари окрашиваютъ тѣло въ красный цвѣтъ.

Дикари острова Тиконіи очень любятъ купаться. Не менѣе того склонны они къ пляскѣ, и иногда, особенно въ лунныя ночи, пляшутъ до утра.

Имѣя надобность переговорить о чемъ нибудь съ начальникомъ, они всегда сначала припадаютъ передъ нимъ къ землѣ.

Эти добрые дикари, которыхъ считаютъ человѣкъ 400 или 500, находятся подъ начальствомъ 4 правителей.

Дикари эти съ сожалѣніемъ провожали корветъ къ острову Ваникоро.

«Астролябія» подошла туда 12 февраля 1828 года. Отыскавъ проходъ между подводными камнями, 21 февраля пробралась она узкимъ входомъ; а черезъ два дня отправили съ корвета для осмотра подводныхъ камней большую шлюпку, которая, обойдя кругомъ этотъ островъ, возвратилась съ добытыми отъ туземцевъ обломками судна, на которомъ разбился Лаперузъ. Но дикари все-таки отказались указать настоящее мѣсто крушенія. Черезъ нѣсколько дней моряки снова возобновили свою попытку, и на этотъ разъ имъ удалось уговорить одного дикаря показать имъ, за кусокъ краснаго сукна, мѣсто, гдѣ

разбился Лаперузъ. Дѣйствительно, моряки нашли тамъ на днѣ, на глубинѣ четырехъ или пяти сажень, якоря, пушки, ядра и множество свинцовыхъ бляхъ. Все дерево исчезло, а небольшія вещи изъ мѣди и желѣза совсѣмъ проржавѣли.

Послѣ такой находки Дюмонъ-Дюрвиль тотчасъ же послалъ на мѣсто крушенія шлюпку и провелъ корветъ въ глубину одного залива. Два дня трудились надъ этимъ моряки, такъ какъ входить имъ нужно было узкимъ каналомъ и опасными скалами. Другіе два дня моряки старались достать изъ воды какія только можно было вещи; между прочимъ подняли они тяжелый якорь и чугунную пушку;—то и другое было заржавлено;—потомъ достали еще двѣ мѣдныя пушки, довольно хорошо сохранившіяся.

Всѣ эти вещи, такъ же, какъ и рассказы туземцевъ, убѣдили Дюмонъ-Дюрвиля и его офицеровъ въ томъ, что оба фрегата Лаперуза разбились на подводныхъ камняхъ острова Ваникоро.

Тогда Дюмонъ-Дюрвиль задумалъ поставить на островѣ памятникъ несчастнымъ французамъ, погибшимъ на этихъ опасныхъ мѣстахъ. Онъ выбралъ для гробницы красивое мѣстечко, покрытое зеленью. Памятникъ соорудили въ 8 дней. Вышелъ онъ небогатый, но вполне достаточный для того, чтобы указать пребываніе «Астролябіи» на этомъ островѣ и участіе моряковъ къ погибшимъ товарищамъ. При открытіи памятника, сдѣлали три залпа изъ ружей и 21 выстрѣлъ изъ корветныхъ пушекъ.

Кончивъ это дѣло, морякамъ удалось, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, отыскать безопасный для корвета выходъ съ острова Ваникоро. 17 марта, съ легкимъ вѣтеркомъ, корветъ сталъ медленно подвигаться впередъ. На суднѣ оставалось не болѣе 20 человѣкъ, годныхъ къ работѣ: остальные были больны или дрожали въ лихорадкѣ. Съ такими-то небольшими средствами Дюмонъ - Дюрвиль, который

самъ былъ болѣнъ, долженъ былъ наблюдать еще за ненадежными дикарями. Наконецъ, съ помощію своего искусства и присутствія духа, ему удалось пройти узкій и опасный каналъ, изъ котораго только и была одна возможная къ выходу въ море дорога. Малѣйшая ошибка при этомъ, могла бы отбросить корветъ на подводные камни, гдѣ бы онъ потерпѣлъ ту же горькую долю, что и корабли Лаперуза. Кроме того, дикари, въ такомъ случаѣ, непременно перебили бы моряковъ. Ихъ уже замѣтили вооруженныхъ стрѣлами и готовыхъ къ грабежу, на который они надѣялись

Итакъ, можно полагать за вѣрное, что суда Лаперуза разбились на подводныхъ камняхъ у острова Ваникоро, въ темную ночь и при свѣжѣмъ вѣтрѣ. Одно изъ судовъ, задѣвъ о подводный камень, скоро пошло на дно; но человекъ тридцать команды успѣли переправиться на берегъ. Другой корабль прибило на берегъ вѣтромъ къ остро-

ву, гдѣ онъ долго оставался на одномъ мѣстѣ. Команда съ этого корабля спаслась вся и построила себѣ на берегу, изъ остатковъ корабля, маленькое суденышко. Послѣ этого всѣ французы съ погибшаго корабля, за исключеніемъ двухъ, умершихъ черезъ двѣ недѣли, отправились съ острова Ваникоро; но куда именно ушли они, это еще и до сихъ поръ не извѣстно и вѣроятно, никогда не узнается. Надо думать, что дикари напали на нихъ и всѣхъ ихъ перебили.

Острововъ Ваникоро считается четыре. Два изъ нихъ довольно велики и высоки, а остальные два маленькіе; всѣ они такъ близки другъ къ другу, что составляютъ какъ будто одинъ островъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, острова эти окружены подводными камнями, на пространствѣ отъ 30 до 40 миль. Едва найдется нѣсколько небольшихъ промежутковъ между камнями для входа вовнутрь заливовъ. Море въ этихъ мѣстахъ часто

бываетъ очень бурно. Почва на главномъ изъ острововъ Ваникоро покрыта сплошными лѣсами и богатою растительностію. Отъ постоянной сырости земли, на этомъ островѣ часто бываютъ туманы, которые для туземцамъ нипочемъ, но для Европейцевъ очень нездоровы и производятъ жестокія лихорадки. Жители острова Ваникоро сухопарые и маленькаго роста; кожа у нихъ черная; волосы обвернуты кускомъ матеріи, которая свѣшивается у нихъ на плеча; опоясываются они особеннымъ блестящимъ растеніемъ, которое обхватываетъ поясницу; голову, руки и ноги украшаютъ браслетами, ожерельями, раковинами и цвѣтами. Туземцы прокалываютъ себѣ ноздри, для того, чтобы продѣть туда закругленную кость, а къ ушамъ привѣшиваютъ круглые кусочки дерева.

Дома этихъ дикарей довольно опрятны; они поддерживаются деревянными сваями; крыши и стѣны покрываются рогож-

ками, сдѣланными изъ кокосовыхъ листьевъ. Есть у нихъ и общіе шалаши, больше другихъ. Мужчины собираются туда днемъ для выдѣлки стрѣлъ и оружія; женщины, между тѣмъ, отправляются добывать пищу, состоящую большею частію изъ рыбы, плодовъ или кореньевъ.

Вѣроисповѣданіе у этихъ туземцевъ самое запутанное. Повидимому, они имѣютъ различныхъ боговъ и думаютъ, что есть одинъ особенный богъ, который существуетъ для того только, чтобы отбирать все, что у нихъ есть получше, и раздавать эти вещи правителямъ острова. Всѣмъ своимъ богамъ они дѣлаютъ много разныхъ посвященій. Скоро послѣ того, какъ «Астролябія» отошла отъ острововъ Ваникоро, подулъ западный вѣтеръ; Дюмонъ-Дюрвиль хотѣлъ имъ воспользоваться, чтобы отправиться на югъ къ порту Джаксонъ, находящемуся въ Новой-Голландіи. Но 24 числа вѣтеръ снова переѣнился и задулъ съ сильными порывами. Больнымъ,

между тѣмъ, становилось все хуже и хуже. Дѣлать было нечего: пришлось отказаться отъ такого намѣренія, тѣмъ болѣе, что на пути не было надежнаго пристанища.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Дюмонъ-Дюрвиль рѣшился плыть по океану къ сѣверу, къ Маріанскимъ островамъ, гдѣ онъ надѣялся доставить облегченіе своей измученной командѣ. Не ранѣе 20 апрѣля удалось ему исполнить свое намѣреніе: въ этотъ день задулъ свѣжій попутный вѣтеръ, и корветъ сталъ быстро подвигаться къ Маріанскимъ островамъ.

26 апрѣля проходили Каролинскіе острова, которые Дюмонъ-Дюрвиль разсмотрѣлъ и описалъ на протяженіи 60 миль. 29 числа проходили мѣсто, гдѣ, по описанію, должны бы быть острова; но моряки, не видя никакихъ признаковъ земли, заключили изъ этого, что острова назначены тутъ или по ошибкѣ, или, можетъ статься, были прежде, а потомъ углубились въ море, какъ это бываетъ.

На Маріанскихъ островахъ, куда прибылъ Дюмонъ-Дюрвиль, онъ нашелъ самый дружескій пріемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и возможность исправить всѣ надобности корвета. На другой же день «Астролябію» прикрѣпили канатами на постоянное мѣсто и переправили на берегъ всѣхъ больныхъ, которыхъ набралось 42 человѣка. Поправлялись эти больные плохо, и черезъ 20 дней, когда корветъ снова собрался въ обратный путь, годныхъ тотчасъ же на службу оказалось всего пять или шесть человѣкъ.

Жители Маріанскихъ острововъ подчиняются одному правленію, которое назначается королями испанскими и возобновляется черезъ каждыя 5 лѣтъ.

На одномъ изъ Маріанскихъ острововъ находится большой складъ всѣхъ европейскихъ издѣлій; но продаются эти товары туземцамъ за весьма дорогую цѣну.

Правитель острововъ содержитъ отъ 100 до 150 человѣкъ войска, слабаго и дурно одѣтаго.

Главныя произведенія острова, на которомъ остановился Дюмонъ-Дюрвиль, составляютъ: свиньи, куры, рисъ, табакъ, овощи и кое-какіе фрукты.

Почва очень плодородная; но туземцы мало заботятся объ ея обработкѣ. Врядъ ли гдѣ найдется еще такой безпечный и лѣнивый народъ, какъ они. На главномъ изъ Маріанскихъ острововъ всего 4,000 жителей, между тѣмъ, какъ тамъ могло бы помѣститься и прокормиться тысячъ сорокъ.

«Астролябія» вышла отсюда 10 мая 1828 года и направилась къ югу. 1 іюня моряки увидѣли невысокій островъ, величиною въ двѣ мили въ окружности. Этого острова не назначено было ни на какой картѣ, и Дюмонъ-Дюрвиль назвалъ его Астролябією.

2 іюня осмотрѣли довольно большое собраніе острововъ, до того времени неизвѣстныхъ. Островковъ этихъ насчитали 14; всѣ они покрыты кокосовыми деревьями.

Идя далѣе, 3 числа составили описаніе другого острова. 20 іюня «Астролябія» подошла къ островамъ, расположеннымъ на сѣверъ отъ Новой-Голландіи; отсюда корветъ отправился далѣе къ югу. На пути Дюмонъ-Дюрвиль осмотрѣлъ и открылъ вновь еще нѣсколько острововъ. Пробираясь постоянно между островами, Дюмонъ-Дюрвиль остановился у одного изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы дать время отдохнуть матросамъ и заpastись свѣжею провизіею. 6 іюля опять пошли въ море, а 10 стали у одного изъ Молуккскихъ острововъ, находящихся по восточную сторону большаго острова Новая-Гвинея.

Дюмонъ-Дюрвиль имѣлъ намѣреніе продолжать свой путь далѣе къ острову Ильде-Франсъ (*); но губернаторъ острова, у котораго онъ останавливался, предложилъ

(*) Островъ этотъ находится въ Атлантическомъ океанѣ, между берегами Африки и Америки, и принадлежитъ Англичанамъ.

ему отправиться вмѣстѣ на западъ, къ острову Целебесу, такъ какъ тамъ много было животныхъ и растеній совсѣмъ особенной породы и вообще много любопытнаго для изученія. Дюмонъ-Дюрвиль согласился на предложеніе губернатора. Выйдя въ море 18 іюля, моряки, черезъ нѣсколько дней, прибыли на островъ Целебесъ.

Губернаторъ Молуккскихъ острововъ, исполняя желаніе Дюмонъ-Дюрвиля, добылъ ему трехъ животныхъ особой породы, составляющихъ среднее между дикой козой и буйволомъ; потомъ еще нѣсколько животныхъ другихъ породъ, неизвѣстныхъ до того времени французскимъ ученымъ.

Въ главномъ городѣ острова, съ пріѣздомъ туда Дюмонъ-Дюрвиля, собралось очень много народа: ихъ приманило желаніе и любопытство видѣть иностранцевъ, съ которыми ихъ главный начальникъ, губернаторъ, обращался такъ почтительно. «Мнѣ нравилось—говорить Дюмонъ-Дюр-

виль—разсматривать всѣ эти лица и находить въ нихъ сходство съ лицами многихъ другихъ дикихъ племенъ, которыя я видѣлъ прежде.»

«Какъ-бы мнѣ хотѣлось—продолжаетъ Дюмонъ-Дюрвиль—умѣть говорить на ихъ языкъ, чтобы распросить ихъ о мѣстныхъ обычаяхъ, понятіяхъ и преданіяхъ.»

«Начальники здѣсь очень стараются сохранить въ этой толпѣ дикарей какой-нибудь порядокъ. Замѣтивъ, что наши пожитки схвачены были людьми совершенно намъ незнакомыми, я побоялся, чтобъ они не пропали; но меня увѣрили въ томъ, что ни одинъ туземецъ никакъ не рѣшится присвоить себѣ что-нибудь изъ того, что ему довѣрено. Это было бы у нихъ дѣло неслыханное; а если бы и случилось, то оно не ускользнуло бы отъ присмотра начальниковъ.»

«Мы сѣли на небольшихъ, горячихъ, но покойныхъ лошадей; провожало насъ нѣсколько верховыхъ слугъ и цѣлая толпа

дикарей, служившая намъ вмѣсто проводниковъ. Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей предпочли сдѣлать это путешествіе на носилкахъ, которые таскали на плечахъ человѣкъ 15 или 20 дикарей, чередовавшихся между собою по получасу. Шли они очень скоро.

«Сначала мы проѣхали городокъ съ широкими и прямыми улицами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянулись ряды деревьевъ. Дома въ городѣ деревянные; они просторно, хорошо расположены и стоятъ на прочныхъ сваяхъ, футовъ на 10 или на 15 отъ земли, отчего эти дома кажутся очень высокими и вообще имѣютъ видъ весьма стройный. Входятъ въ эти дома по огромной лѣстницѣ изъ здороваго дерева; надъ лѣстницами устраиваются навѣсы.

«Въ деревняхъ мы видѣли очень мало пахатной земли; но дорога широка и удобна, хотя и пролегаетъ въ обширныхъ лѣсахъ. Проѣзжали мы также быстрыя ручьи, протекающіе въ глубокихъ оврагахъ. Мос-

ты, перекинутые черезъ русло ручьевъ, укрыты отъ дурной погоды хорошими кровлями, что дѣлаетъ ихъ похожими на китайскіе мосты. Часто мы предоставляли полную свободу своимъ лошадямъ, и онѣ рысью несли насъ по этимъ роскошнымъ и дикимъ мѣстамъ. Иногда губернаторъ и я удерживали своихъ лошадей и мирно между собою бесѣдовали. Красота неба, свѣжій утренній воздухъ и радостныя восклицанія дикарей давали нашему поѣзду видъ торжественной. Первый приваль сдѣлали мы часу въ девятомъ, въ красивой деревнѣ, отстоящей отъ города въ 5 миляхъ.

«Знатнѣйшіе жители деревни встрѣтили насъ въ воротахъ и поздравили съ пріѣздомъ; послѣ этого мы отправились къ деревенскому судѣ, гдѣ начальникомъ округа былъ приготовленъ для насъ завтракъ. Потомъ, мы снова сѣли на лошадей и поскакали по дорогѣ; мы оставили за собою большую гору, которая скрывалась отъ

насъ по мѣрѣ того, какъ мы отъ нея удалялись.

«Несмотря на то, что земля тамъ кажется очень плодородною, населеніе окрестныхъ деревень невелико. Дома маленькіе и видно, что жильцы ихъ не пользуются достаткомъ.

«Скоро мы добрались до половины дороги, что было въ 10-миляхъ отъ города, и вѣхали въ мрачные и густые лѣса, которые если и рубятъ, такъ только развѣ за тѣмъ, чтобы проложить дорогу. Исполинскія деревья, кусты и растенія, распускающіяся подъ ихъ тѣнью, очень сходны съ растительностію острова Новая-Гвинея.

«Кажется, что между этимъ островомъ и островомъ Целебесомъ нѣтъ замѣтнаго различія ни въ произведеніяхъ земли, ни въ воздухѣ, ни даже въ птицахъ; послѣднія только казались мнѣ рѣже и менѣе разнообразны.

«По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, овраги, которые мы переѣзжали,

становились все глубже и пустыннѣе. Одинъ оврагъ попался такой крутой, что мы должны были слѣзть съ лошадей. Въ глубинѣ съ шумомъ и трескомъ катится и кипитъ между кучею камней быстрый потокъ. Красивый мостъ, съ навѣсами и скамейками для пѣшеходовъ, переброшенъ на противоположную сторону. Такъ какъ мы ѣхали въ головѣ поѣзда, то, чтобы переждать его, мы на нѣсколько минутъ присѣли. Очень любопытно было намъ смотрѣть на верховыхъ, на носилки и на множество провожавшихъ насъ дикарей, которые всѣ спускались съ крутаго и извилистаго ската горы. Въ это время выпало нѣсколько капель дождя, крапинки котораго искрились на листьяхъ и безъ того блестящихъ растеній; солнечный лучъ, украдкою выглянувъ изъ-за облака, заигралъ въ углу оврага, освѣтилъ его различными цвѣтами, между тѣмъ, какъ остальная окрестность была еще покрыта легкимъ туманомъ.

«Все это происходило на островѣ, который Европейцы знаютъ только по имени, имѣя о немъ свѣдѣнія сбивчивыя и невѣрныя.

«Можно себѣ представить, сколько я передумалъ въ это время и чего только не приходитъ мнѣ въ голову теперь, когда я пишу эти записки, вспоминая о подробностяхъ нашего любопытнаго путешествія.

«Когда мы перешли съ другой стороны мѣстность, окружающую городъ, то добрались наконецъ до плодоносной и красивой, возвышенной площадки. Здѣсь, съ высоты, увидѣли мы большія рѣки и насладились воздухомъ, который былъ не такъ жарокъ, какъ на равнинѣ. Эта свѣжесть воздуха на возвышенныхъ мѣстахъ жаркихъ странъ, до которыхъ иногда всего два, три часа ѣзды, доставляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ ощущеній путешественникамъ.

«Скоро мы въѣхали въ красивое село, въ которомъ я замѣтилъ каменные гробницы

исписанныя загадочными знаками. Къ сожалѣнію, мы очень скоро должны были проѣхать это мѣсто, которое бы мнѣ хотѣлось осмотрѣть съ большею подробностію. Мы снова проѣхали тотъ же ручей что и прежде; онъ въ этомъ мѣстѣ составляетъ уже значительный потокъ, несмотря на то, что при началѣ своемъ еле-еле вытекаетъ изъ озера, въ которомъ беретъ свое начало.

Въ полу-мили отъ дороги, намъ показали прекрасный водопадъ, образованный водами ручья, который, протекая свободно до этого мѣста, здѣсь вдругъ заграждается скалою, которую пробилъ онъ наконецъ своимъ напоромъ. Воды ручья, медленно входя въ это отверстіе, съ силою бросаются изъ него въ видѣ огромнаго снопа, который разсыпается, падая въ природную пропасть. Въ сосѣднихъ горахъ и скалахъ отдается шумъ паденія этого огромнаго водянаго столба, что производитъ глухой гулъ, похожій на громовые раскаты.

«Отдохнувъ, мы отправились посмотреть озеро, изъ котораго вытекаетъ ручей. Впереди этого озера и недалеко отъ города образовалось неглубокое и болотистое пространство воды, покрытое растеніями особенной породы. За этимъ пространствомъ находится отличный и совершенно чистый прудъ, длиной отъ 5 до 6 миль, а шириною въ 2 мили. Красивые берега этого озера съ трехъ сторонъ окружены правильно цѣпью горъ; нѣкоторыя изъ этихъ горъ огнедышащей породы. Это обстоятельство и кромѣ того образованіе и расположеніе горъ, подають поводъ предположить, что заключающаяся между горами пустота ничто иное, какъ жерло одной изъ потухшихъ огнедышащихъ горъ, изъ которыхъ сложилась вся сѣверная часть острова Целебеса. Пять или шесть деревень разбросаны на берегахъ озера, по водамъ котораго безпрестанно снуютъ взадъ и впередъ челноки рыбаковъ. Въ этомъ озерѣ ловится очень много

рыбы. Водятся тамъ также утки, водяныя курицы и множество цаплей, бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ. Во всей сѣверной части, озеро не болѣе трехъ или четырехъ сажень глубины; но потомъ глубина эта увеличивается и доходить до тысячи сажень.

Губернаторъ съ своимъ товарищемъ присоединились къ намъ. Мы сѣли въ челнокъ и поплыли къ озеру. Вѣтеръ засвѣжѣлъ и развелъ на озерѣ волненіе, которое грозило опрокинуть нашу маленькую и черезчуръ легкую шлюпку. Однако, мы благополучно доѣхали до села, которое хотя расположено точно такъ же, какъ и другія села, но грязно, плохо застроено и на видъ хуже всѣхъ видѣнныхъ нами прежде. Жители этого села имѣютъ обыкновеніе толочь свой рисъ на большихъ бревнахъ, по длинѣ которымъ выдолблены круглыя отверстія, въ родѣ нашихъ колодъ, гдѣ пьютъ лошади. Нѣсколько человѣкъ, каждый съ толкачемъ, могутъ работать на одномъ и томъ же бревнѣ.»

4 августа 1828 года корветъ «Астролябія» вышелъ съ острова Целебеса, а 20 прибылъ къ городу Батавія, на островѣ Ява (*), куда послѣ знаменитаго Бугенвиля(**) не заходило, для изученія страны, ни одно французское судно.

Дюмонъ-Дюрвиль принять былъ въ этомъ городѣ съ большимъ почетомъ, но остался тамъ только три дня. 2 сентября отправился онъ далѣе, черезъ Индѣйскій океанъ, а 29 пришелъ на островъ Иль-де-Франсъ, потомъ заходилъ на сосѣдній съ нимъ островъ Бурбонъ, а оттуда отправился на Мысъ Доброй Надежды (составляющій южную оконечность Африки), куда прибылъ въ концѣ 1828 года. Съ Мыса Доброй Надежды «Астролябія» вы-

(*) Островъ Ява, такъ же, какъ и Целебесъ, находится въ Тихомъ океанѣ.

(**) Бугенвиль—французскій морякъ, открывшій въ океанахъ много земель. Онъ первый изъ Французовъ сдѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта, продолжавшееся съ 1766 по 1769 годъ.

шла 2 января 1829 года и, простоявъ 36 часовъ на островѣ Св. Елены и 8 дней у острова Вознесенія, 17 марта 1829 года вошла въ Средиземное море, а 25 того же мѣсяца возвратилась во французскій городъ Марсель, пробывъ въ отсутствіи около трехъ лѣтъ и пройдя за это время не менѣе 85,000 миль.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Второе путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля. — Отдыхъ въ Землѣ Патагонцевъ (*). — Нравы и обычаи этого народа. — Прибытіе на Маркизскіе острова (**). Посѣщеніе могилы Лаперуза. — Возвращеніе во Францію.

Дюмонъ-Дюрвиль, возвратясь на родину, привезъ съ собою столько рѣдкихъ и любопытныхъ вещей, что надобно было, для того, чтобы размѣститъ ихъ, выстроить

(*) Патагонія—большая страна, составляющая южную оконечность Южной Америки.

(**) Находятся въ Тихомъ океанѣ, между западными берегами Америки и восточными Новой-Голландіи.

особое помѣщеніе. За это путешествіе, выполненное такъ удачно, несмотря на большія опасности, знаменитый морякъ получилъ большія награды. Три года ученый путешественникъ съ большимъ усердіемъ занимался составленіемъ для печати разсказовъ о плаваніи «Астролябіи». Скоро послѣ этого сдѣлался переворотъ во французскомъ правленіи. Новое временное правительство поручило Дюмонъ-Дюрвилю отвезти въ Англію короля Карла 10 съ семействомъ. Это трудное порученіе Дюмонъ-Дюрвиль исполнялъ съ большимъ умѣніемъ и осторожностію.

Кто бы могъ подумать, что человѣкъ съ такими неоспоримыми заслугами, съ такимъ мужествомъ и любовью къ своей родинѣ, съ этого времени былъ совершенно забытъ Франціею? Забылъ его, конечно, не народъ, который считалъ за честь имѣть такого соотечественника: забыло его правительство Франціи. Прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ, въ продолженіе которыхъ и не вспом-

нили о знаменитомъ морякѣ. Наконецъ, въ 1837 году онъ получилъ подъ команду готовившіеся къ походу два корвета, изъ которыхъ одинъ былъ таже «Астролябія».

Оба корвета, имѣя у себя отборную команду, вышли изъ французскаго города Тулона и, пройдя Гибралтарскій проливъ, остановились на нѣсколько дней у острова Тенерифа; послѣ этого корветы направились, къ Магелланову проливу (*). Дюмонъ-Дюрвиль остановился наконецъ у береговъ Патагоніи, жители которой приняли Французовъ со знаками большой радости.

«Патагонцы — говоритъ Дюмонъ-Дюрвиль — роста очень высокаго, очень широкоплечи. Они носятъ длинные волосы, которые завязываютъ на маковкѣ. Цвѣтъ ихъ кожи темно-бурый, голосъ нѣжный, и нѣтъ причины предполагать, чтобы они были свирѣпаго нрава.

(*) Проливъ этотъ отдѣляетъ Южную Америку отъ острова Огненная Земля.

Патагонцы постоянно перекочевываютъ по огромнымъ равнинамъ Южной Америки.

Мужчины, женщины и дѣти, всегда вер-
хами, охотятся за дичью или скотиной,
которыми наполнены эти пустынные мѣ-
ста. Звѣриную кожу дикари употребляютъ
какъ на одежду, такъ и на постройку своихъ
шалашей. Странно, что въ этой землѣ, на-
селенной такимъ рослымъ народомъ, по-
рода лошадей самая маленькая. Патагон-
цы правятъ ими съ большою ловкостію.
Несмотря, что на одну и ту же лошадь са-
дятся иногда двое или даже трое дикарей,
они приучаютъ ихъ пробѣгать очень боль-
шія разстоянія.

Команда обоихъ корветовъ отдавала
этимъ дикарямъ оружіе, разные припасы
и кое-какія бездѣлушки, вымѣнивая ихъ
на звѣриныя кожи.

Отсюда корветы поплыли по Тихому
океану. Застигнутые бурей, они спасены
были отъ всякаго рода опасностей искус-
ствомъ и присутствіемъ духа своего на-

чальника. Командѣ, измученной отъ усталости и болѣзней, необходимо было немедленно дать отдыхъ на берегахъ Чили^(*), которая славится своимъ здоровымъ и постояннымъ воздухомъ.

Выйдя изъ Чили и испытавъ снова всякаго рода опасности и утомленія, оба корвета прибыли наконецъ къ Маркизскимъ островамъ, жители которыхъ обрадовались какъ нельзя болѣе, узнавъ французскія суда. Въ одну минуту берегъ покрылся непроходимой толпою, дѣлавшею разные дружескіе знаки, приглашая къ себѣ Европейцевъ. Многія изъ женщинъ, еще болѣе нетерпѣливыя, чѣмъ мужчины, побросались въ море, и скоро онѣ такъ окружили шлюпку, которая везла на берегъ Дюмонъ-Дюрвиля и его офицеровъ, что ей даже трудно было пробраться между этими женщинами.

(*) Чили — приморская земля въ юго-западной Америкѣ, къ сѣверу отъ Патагоніи.

Мужчины на Маркизскихъ островахъ, (острова эти въ настоящее время находят-ся во власти Французовъ), имѣютъ обык-новеніе искалывать себѣ тѣло узорами, такимъ образомъ, что они покрыты ими съ головы до ногъ. Женщины также вы-водятъ себѣ узоры, но гораздо умѣреннѣе. Жительницы Маркизскихъ острововъ ма-ленькаго роста и очень проворны. Пла-ваютъ онѣ съ удивительною ловкостію и силою. Когда корветы стояли на якорѣ, то часто нѣсколько сотъ женщинъ окру-жали суда, оставаясь иногда въ водѣ часа по два и изъясняя криками свою радость; онѣ просили позволенія взойти на судно, пытались часто попасть туда силою.

Дюмонъ-Дюрвиль, подготовивъ дикарей къ тому, чтобы они покорились Франціи, отправился съ корветами къ Таити(*), это-му прекрасному острову, который впослѣд-

(*) Таити находится къ юго-западу отъ Маркиз-скихъ острововъ.

ствіи принялъ и призналъ покровительство французскаго короля и жители котораго усвоили себѣ въ то время обычаи и привычки Европейцевъ.

Посѣтивъ поочередно острова: Вити, Маріанскіе и Филиппинскіе (послѣдніе находятся въ Тихомъ океанѣ, къ сѣверу отъ острова Целебеса), корветы зашли на Молуккскіе острова, изъ которыхъ одинъ, по имени Термать, замѣчателенъ своимъ образованіемъ, своими туземцами и промышленностію. Оттуда корветы отправились на островъ Яву, отдѣленный отъ острова Суматры широкимъ проливомъ. Третья часть острова Явы независима, а остальное подвластно Голландцамъ. Жители Явы занимаются хлѣбопашествомъ и рѣдко сѣзжаютъ съ своего острова. Они ловки и учтивы въ обращеніи. Почтительность доходитъ у нихъ даже до робости. Они строго соблюдаютъ благопристойность, вообще осторожны и, такъ же, какъ и повелители ихъ—Голландцы, способны къ торговлѣ. Въ роисповѣ-

данія эти туземцы магометанскаго. Столица ихъ, Батавія, составляетъ средоточіе огромной торговли и доставляетъ средства пропитанія всѣмъ городамъ, которые привозятъ туда произведенія своихъ земель и промышленности, увеличивая своими обмѣнами достатокъ жителей Явы.

Офицеры корветовъ, во время пребыванія ихъ у Батавіи, помѣщались въ городѣ и въ свободное время осматривали окрестности, которыя необыкновенно красивы. Каждый Европеецъ, привыкшій даже къ самой богатой природѣ, подивился бы великолѣпію этихъ окрестностей; онѣ заставлены красивыми домами и украшены садами, которые, какъ и во всѣхъ голландскихъ земляхъ, содержатся въ большой чистотѣ. Городъ хотя и хорошъ, но все же ему далеко не сравниться съ окрестностями. Большихъ зданій въ городѣ мало, но дома удобны и хороши; улицы широкія; вдоль каналовъ насажены деревья, поддерживающія свѣжій воздухъ, который, впро-

чемъ, бываетъ иногда вреденъ для Европейцевъ. Вода въ городѣ имѣетъ дурной вкусъ, почему и привозятъ для больныхъ изъ Голландіи особеннымъ образомъ приготовленную воду, которая называется зельцерскою. У богачей острова Явы во всемъ проглядываетъ вкусъ и страсть къ роскоши.

Съ острова Ява корветы пошли къ острову Борнео (*), величайшему изъ азіатскихъ острововъ. На этомъ островѣ живутъ множество народовъ и племенъ, не похожихъ между собою ни цвѣтомъ кожи, ни языкомъ, ни нравами, ни обычаями. Дюмонъ-Дюрвиль, имѣя намѣреніе осмотрѣть и изучить берега одной изъ большихъ рѣкъ этого острова, послалъ туда людей, которые забрались въ топкія мѣста, гдѣ ихъ скоро окружили цѣлыя толпы обезьянъ.

(*) Онъ находится подлѣ острова Целебеса, по западную его сторону.

Вотъ какъ рассказываетъ Дюмонъ—Дюрвиль этотъ случай, въ описаніи своего путешествія.

«Насъ поразилъ неожиданный шумъ. Каждый приготовился къ защитѣ, потому что дикари могли бы въ нашемъ затруднительномъ положеніи напасть на насъ врасплохъ. Но каково же было наше удивленіе, когда мы увидѣли себя въ схваткѣ со множествомъ обезьянъ, которыя кричали, выли и прыгали съ одного сука на другой; онѣ были, казалось, такъ недовольны нашимъ посѣщеніемъ, какъ будто мы хотѣли отнять у нихъ мѣсто. Онѣ скакали, какъ бѣшенныя, скрежетали зубами и дѣлали такія ужимки, что поневолѣ заставляли смѣяться. Обезьяны скользили внизъ по деревьямъ, чтобы поближе посмотрѣть на насъ, и потомъ, испуганныя, вѣроятно, нашимъ видомъ, который былъ для нихъ непривыченъ, снова поднимались и притихали, скорчиваясь въ густотѣ листьевъ, на деревьяхъ вышиною сажень въ 25.

«Это былъ какъ будто настоящій военный совѣтъ, съ своимъ старшиною, съ своимъ докладчикомъ и совѣтчиками. Только одна обезьяна, въ серединѣ кружка, казалось, словно подсматривала и изучала лица, дожидаясь окончательнаго рѣшенія дѣла. Никогда полководецъ не обдумывалъ нападенія съ такою медленностію и воздержностію. Враги, казалось, и не думали бѣжать, а хотѣли только сразиться съ большею увѣренностію въ успѣхѣ.

«Вдругъ раздались самые пронзительные крики, и толпа разсыпалась. Это уже какъ будто были не обезьяны, замышляющія уничтоженіе хлѣбныхъ полей, но птицы, прыгающія и порхающія съ дерева на дерево. Но свинецъ летитъ быстро: гоняясь за обезьянами, на сколько позволяла сила, мы раздѣлились на части, и тогда началась у насъ частая стрѣльба изъ ружей.

«Нѣкоторыя изъ этихъ проворныхъ животныхъ падали замертво; другія, только

легко раненныя, кричали отъ боли, оставаясь на сучьяхъ, за которые цѣплялись лапами, держась до тѣхъ поръ, пока не сбрасывала ихъ оттуда вторая, роковая пуля.

«Разрядивъ наши ружья, намъ было чрезвычайно трудно зарядить ихъ во второй разъ, для новаго нападенія. Шутка всегда сходится съ чѣмъ нибудь печальнымъ: положеніе наше было затруднительно посреди вязкой земли, изъ которой мы не могли выбраться. Между нами былъ одинъ охотникъ, неустрашимый и рослый какъ Патагонецъ. Огромнаго роста, плотный, откормленный, вялый, онъ на бѣгу былъ неутомимъ, когда дѣло доходило до какой нибудь охоты. Это былъ одинъ изъ чиновниковъ, служившихъ на корветѣ «Астролябія».

«Увлеченный погоней за обезьянами и напирая всею своею тяжестію на тинистую почву, онъ скоро ушелъ по поясъ въ тину. Онъ хотѣлъ выбраться оттуда безъ

посторонней помощи, но чѣмъ болѣе дѣлалъ усилій, тѣмъ глубже уходилъ въ тину. Онъ рѣшился наконецъ позвать на помощь. Мы устроили родъ цѣпи, чтобы до него добратъся, и успѣли, не безъ труда, спасти его отъ опасности. Обезьяны, видно, на него разсчитывали и хотѣли отмстить на немъ за смерть своихъ. Какъ только онъ былъ вытащенъ, обезьяны тотчасъ же всѣ ускакали въ глубину лѣса и уже съ той минуты не показывались.»

Съ острова Борнео, корветы отправились въ Гобартъ-Таунъ, столицу Ванъ-Дименовой Земли, о которой было уже говорено прежде; потомъ заходили на островъ Ваникоро, гдѣ посѣтили памятникъ несчастнаго Лаперуза. Послѣ этого оба судна пошли въ обратный путь, въ Европу, и возвратились послѣ двухъ годичнаго отсутствія въ Тулонъ, съ запасомъ множества рѣдкихъ животныхъ, птицъ и растений.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ужасное происшествіе, случившееся на желѣзной дорогѣ. — Страшная смерть контръ-адмирала Дюмонъ-Дюрвиля, его жены и сына. — Отыскиваются ихъ смертные останки. — Открытіе памятника Дюмонъ-Дюрвилю.

Дюмонъ-Дюрвиль, возвратясь во Францію, занимался въ Парижѣ, столицѣ этого государства, составленіемъ земныхъ и морскихъ картъ, гдѣ изображены были тѣ земли и моря, по которымъ онъ столько лѣтъ плавалъ. Но ужасное происшествіе, отъ котораго погибло болѣе 60 человѣкъ, лишило Францію одного изъ самыхъ знаменитыхъ ея соотечественниковъ. 8 мая 1842 года Дюмонъ-Дюрвиль отправился съ своею женою и сыномъ, по желѣзной дорогѣ, въ мѣстечко Версаль, недалеко отъ Парижа.

Не доѣзжая первой станціи, поѣздъ желѣзной дороги полетѣлъ съ удивительною скоростію, и вскорѣ послѣ этого, у передовой машины, которая тащила за собою

остальные вагоны, лопнула передняя ось и машина соскочила съ рельсъ; вагоны, которые быстро наѣхали сзади, разбились о передовую машину. Въ то же время горячіе куски каменнаго угля, которымъ топятъ машину, попадали въ кареты и были причиною жестокаго пожара. Кареты, только что выкрашенныя и очень легкой постройки, загорѣлись весьма скоро. Изъ машины ключемъ била кипящая вода на раненыхъ и тѣмъ еще увеличивала ужасъ этого случая. Большая часть людей, находившихся при управленіи машины, были убиты или изуродованы.

Несчастные сѣдоки, бывшіе въ передовыхъ каретахъ, отчаянно стонали; а между тѣмъ, помочь имъ было невозможно.

Карета, въ которой находился несчастный Дюмонъ-Дюрвиль, съ своимъ семействомъ, сгорѣла втеченіе десяти минутъ.

Между путешественниками, сидѣвшими въ первыхъ двухъ каретахъ, спаслись многіе; оказалось только нѣсколько раненыхъ.

Слѣдующія затѣмъ кареты взгромоздились на томъ же мѣстѣ. Положеніе было ужасное: тѣла раздавленныхъ кочегаровъ и механиковъ далеко разбросало по сосѣднимъ съ дорогою виноградникамъ.

Сѣдоковъ этихъ вагоновъ страшно изувѣчило; нѣкоторые изъ нихъ попытались выскочить черезъ окна, но со всѣхъ сторонъ выходили струи пара и потоки горячей воды. Пожаръ между тѣмъ такъ разошелся, что уже ни какъ нельзя было спасти несчастныхъ, сидѣвшихъ даже въ трехъ послѣднихъ вагонахъ.

Когда наконецъ удалось погасить огонь, оказалось что погибло 60 человѣкъ; отъ нихъ нашли только сгорѣвшіе, обожженные и переломанные остатки въ которыхъ нельзя было даже узнать людей.

На разсвѣтѣ, представилось самое ужасное зрѣлище, какое только можно себѣ вообразить: вездѣ виднѣлись кровь, куски мяса и кости.

На зеленѣющемъ холмикѣ, солдаты сте-

регли груды остатковъ, по которымъ бы можно было узнать погибшихъ. Тамъ на холмѣ, валялись собранныя въ кучу ружья, лохмотья окровавленныхъ рубахъ, полуистлѣвшія платья, обломки зонтиковъ, сапоги, еще съ остатками въ нихъ ногъ погибшихъ.

Только 10 мая, между перегорѣвшими костями, сложенными на кладбищѣ, отыскали тѣла — Контръ-Адмирала Дюмонъ-Дюрвиля, жены его и ихъ единственнаго 14 лѣтняго сына. Тѣла эти совсѣмъ перегорѣли и только черепъ знаменитаго моряка остался цѣлъ и невредимъ.

Остатки костей собрали, и похоронили съ честью; въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1844 года поставили Дюмонъ-Дюрвилю на кладбищѣ памятникъ.

УРАГАНЫ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки и Африки бываютъ страшныя бури, которыя истребляютъ лѣса и пажити, побиваютъ скотъ и даже разрушаютъ города и деревни. Такія бури называются Ураганами. Вотъ описаніе урагана на островѣ Бурбонѣ, который лежитъ въ Индѣйскомъ океанѣ, на Востокъ отъ материка Африки. Рассказываетъ это путешественникъ очевидецъ:

Сперва слышится глухой, неопредѣленный гулъ; но море еще спокойно и небо, по прежнему, ясно. Вскорѣ затѣмъ вода

начинаетъ волноваться, а солнце блѣднѣетъ, дѣлается тусклымъ, хотя и незамѣтно тумана. Верхушки деревьевъ качаются, листья шелестятъ; ручьи шумятъ сильнѣе обыкновеннаго; животныя мечутся и съ безпокойствомъ бѣгаютъ по дорогамъ. Тяжелый сѣрный запахъ распространяется повсюду. Человѣкъ чувствуетъ тоску и страхъ. Улицы города опустѣли. Всѣ запираются въ домахъ, собираютъ вещи и пожитки въ кучу, чтобы спасти ихъ отъ силы вѣтра, который все ломаетъ и уноситъ.

Туманъ сгущается; на землѣ дѣлается темно. Красныя молніи бороздятъ по всѣмъ направлєніямъ мрачныя небеса. Но вѣтра все еще нѣтъ; на островѣ тихо. Вдругъ раздается оглушительный ударъ грома, подобный залпу изъ тысячи пушекъ, и вслѣдъ затѣмъ налетаетъ вихрь, который принимается все крутить, ломать, разрушать. Рѣки выходятъ изъ береговъ, деревья падаютъ; корабли, стоящіе на рейдѣ,

разбиваются о прибрежныя скалы. Въ одну минуту вѣтеръ нѣсколько разъ мѣняетъ свое направленіе: сначала онъ дулъ съ сѣвера, а потомъ вдругъ перешелъ на югъ, рванулъ съ востока, а минуту спустя летитъ уже съ запада. Повсюду развалины и опустошеніе.

Но сколько ни описывай, а все-таки не передашь всѣхъ ужасовъ урагана. Лучше расскажу вамъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ дать понятіе о страшной силѣ вѣтра.

На одной дачѣ вихрь сорвалъ крышу съ домика, въ которомъ жили двѣ молодыя дѣвцы, и бросилъ ее къ ногамъ ихъ въ то самое время, какъ онѣ бѣжали, чтобы укрыться въ главномъ строеніи. Безъ скорой помощи одной служанки онѣ лишились бы жизни.

Въ городѣ Портъ-Луи семейство городского почтмейстера выходило изъ своего дома: въ то же мгновеніе домъ повалился и задавилъ ребенка, въ глазахъ родителей, которые были изранены.

Другому жителю города показалось, что его жилище поднято на воздухъ. Онъ торопится выйти изъ него, съ женою и дѣтьми: въ эту минуту домъ, дѣйствительно, уносится вихремъ. Старшій сынъ и слуга, который несъ его, задавлены, а другіе двое дѣтей ранены.

Строеніе упало въ десяти саженьяхъ отъ своего основанія. Вѣтеръ развѣялъ его обломки; вещи, посуда, все исчезло. Впослѣдствіи бѣлье, платье, тюфяки были отысканы версты за двѣ отъ этого мѣста.

Одинъ смѣльчакъ пошелъ было въ эту погоду по улицамъ, но на главномъ базарѣ вихрь подхватилъ его и принялся швырять отъ одной стѣны къ другой. На дворѣ главныхъ казармъ лежала груда досокъ. Вѣтеръ, ворвавшись туда съ яростію, подхватилъ ихъ, швырнулъ вверхъ, какъ колоду картъ, и разбросалъ ихъ далеко по лѣсу и горамъ.

Обширное строеніе театра было сдвинуто на цѣлый аршинъ съ своего мѣста;

во многихъ мѣстахъ желѣзныя рѣшетки согнуты и скручены въ видѣ винтовъ.

Печально смотреть послѣ урагана раззоренная мѣстность, когда вѣтеръ утихнетъ и буря прекратитъ свои опустошенія. Куда дѣвались обработанныя поля, сады и рощи, прежде столь густые и красивые? Вѣтеръ на пути своемъ все уничтожилъ, все уравнилъ. Горе той странѣ, гдѣ бываютъ ураганы!

ПРЕБЫВАНІЕ

ШТУРМАНСКАГО ОФИЦЕРА ПАХТУСОВА, КОНДУКТОРА
ЦИВОЛЬКИ, ДЕСЯТИ МАТРОСОВЪ, ОДНОГО ФЕЛЬДШЕРА
И ЧЕТЫРЕХЪ ВОЛЬНОНАЕМНЫХЪ ЛЮДЕЙ

НА ПУСТЫННОМЪ ОСТРОВѢ

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

Новая Земля состоитъ изъ двухъ острововъ, отдѣляющихся одинъ отъ другаго проливомъ «Маточкинъ Шаръ», названнымъ по имени русскаго морехода Маточкина, который первый дошелъ до него. Оба острова въ длину около тысячи верстъ; находятся они въ Сѣверномъ океанѣ и принадлежать къ Архангельской губерніи. Новая Земля почти цѣлый годъ окружена льдами, отъ которыхъ очищается только мѣсяца на два.

Рѣки на островѣ расходятся не раньше конца іюня, а многіе заливы на все лѣто остаются подъ льдомъ. Около трехъ мѣсяцевъ въ году солнце тамъ вовсе не показывается, такъ что съ начала ноября до конца января на этомъ островѣ все время продолжается ночь. Постоянныхъ жителей на Новой Землѣ нѣтъ: туда приходятъ только на время архангельскіе промышленники за разными звѣрями и рыбой, которыхъ тамъ много. Главный промыселъ составляютъ моржи и гольцы, или семга. Моржей стрѣляютъ изъ винтовокъ и бьютъ въ водѣ и на льдахъ.

Тамъ бьютъ также бѣлыхъ медвѣдей, морскихъ зайцевъ и тюленей; бѣлугу загоняютъ неводами въ заливы и колятъ острогами объ одномъ зубцѣ, которыхъ Архангельцы зовутъ носками.

Лѣтъ тридцать тому назадъ промышленники наши хаживали на Новую землю по большей части наудачу, а мѣстъ хорошенько не знали. Для этого начальство и

послало въ 1834 году штурманскаго офицера Пахтусова, чтобы разузнать, какъ слѣдуетъ, куда могутъ заходить суда, гдѣ какая глубина и вообще все, что нужно для вѣрнаго плаванія.

Весной снарядили въ Архангельскѣ къ походу шкуну и большую лодку, или, какъ называютъ ее Архангельцы, карбась.

24 іюня оба судна вышли изъ Архангельска. На нихъ помѣстились: подпоручикъ Пахтусовъ, кондукторъ Циволька, одинъ фельдшеръ, десять матросовъ и четверо наемныхъ людей. Въ исходѣ августа вошли они въ проливъ «Маточкинъ Шаръ», гдѣ стали на якорь; 7 сентября, продолжая плыть по проливу, увидѣли ледъ, котораго теченіемъ несло навстрѣчу судамъ. Нѣсколько времени оба судна пробирались между льдинами и увертывались отъ нихъ, но льда одолѣть не могли. Вскорѣ уперлись они въ сплошную ледяную стѣну. Проведя ночь у стоящихъ на мели льдинъ, утромъ, оба судна на легкой шлюпкѣ от-

правились дальше, чтобы добраться до мѣста, на которомъ они знали, что есть изба. Отъѣхавъ въ ту сторону, они за льдомъ дальше итти не могли: пришлось воротиться на шкуну, перенашивая мѣстами свою лодку черезъ цѣлыя ледяныя поля. Черезъ нѣсколько дней весь проливъ покрыло льдомъ, такъ что должно было воротиться на своихъ судахъ назадъ, разбивая ледъ чугунными баластинами, которыя спускали на веревкахъ съ судовъ.

Продолжая итти въ ту же сторону, вышли они изъ льда 15 сентября, а чрезъ два дня добрались до рѣчки Чиракиной, гдѣ рѣшились остаться на зимовку. Выгрузивъ съ судовъ запасы, провіантъ, доски и другія вещи, оба судна отправились искать лѣса и плавника для постройки избы. Скоро привезли его, и команда перенеслась на берегъ. Суда свои они вытаскивали на мель и прикрѣпили въ протокъ рѣчки Чиракиной.

На берегу команда устроила себѣ изъ

парусовъ палатку съ отверстіемъ на вер-
ху для дыма и съ огневищемъ посреди
палатки, чтобы командѣ послѣ работъ
всегда было гдѣ варить кушанье, отогрѣть-
ся и просушить когда нужно, мокрое
платье. Послѣ палатки начали строить
избу; но дѣло шло не такъ скоро; работа
была очень трудная: бревна и другія тя-
желыя вещи приходилось тащить сажень
на 7 вверхъ, по крутой горѣ, покрытой
льдомъ. Однако, къ 5 октябрю изба была
готова и команда перебралась на ново-
селье. Избу сдѣлали въ двѣ комнаты:
большую и маленькую. Въ большой помѣ-
стились 14 нижнихъ чиновъ, а въ другой—
Пахтусовъ, Циволько и фельдшеръ Чуновъ.
Кругомъ избы по стѣнамъ устроили нары;
въ большой комнатѣ сложили русскую печь,
а въ малой поставили чугунную. Изъ
свѣжихъ досокъ, взятыхъ съ собой изъ Ар-
хангельска, сработали крышу, служившую
вмѣстѣ и потолкомъ, и покрыли ее землею.
Пазы между вѣнцами бревенъ проложили

мхомъ, просушеннымъ на желѣзныхъ листахъ, а потомъ снутри избы всѣ пазыпроконопатели пенькой. Въ каждомъ покоѣ было по одному небольшому окну. Передъ дверями избы, въ двухъ саженьяхъ отъ нея, выстроили маленькую баню; ее соединили съ избой сѣнями и крытымъ проходомъ, построеннымъ изъ бочекъ, весель и мачтъ. Во все время работъ команда была здорова, пищу имѣла хорошую и лакомилась свѣжею дичью, которую часто стрѣляли; но рыбы и оленей добыть не могли.

За то переловили они много песцовъ, которымъ поставили, верстъ на десять по обѣ стороны отъ избы, ловушки, сдѣланныя изъ досокъ и жердей.

Скоро нашимъ морякамъ удалось убить и медвѣдя, который подошелъ посмотреть на ихъ суда; послѣ того они убили и еще нѣсколько этихъ гостей и каждый разъ отдавали бывшимъ съ ними собакамъ. Для себя стрѣляли они чайкъ, подлетающихъ

къ польнѣямъ, недалеко отъ берега. Съ октября мѣсяца начались на островѣ сильныя холода; 16 числа весь проливъ покрылся льдомъ; мятели бывали такія, что избу заносило снѣгомъ, вровень съ крышею; выходить изъ избы можно было не иначе, какъ сверху, черезъ крышу. Случалось такъ, что и крыши не было видно. Тѣ, которые бывали на охотѣ въ отлучкѣ, узнавали избу только по флюгеру на шестѣ, вышиною сажень въ 6. Впродолженіе цѣлаго мѣсяца команда всего пять разъ видѣла солнце. 1 ноября солнце совсѣмъ скрылось, слишкомъ на два съ половиною мѣсяца.

Въ это время морозы дѣлались все сильнѣй и сильнѣй. Ручей глубиною въ 6 футовъ, изъ котораго моряки наши доставали воду, промерзъ до дна, такъ что за водой принуждены были ходить къ другому ручью, верстѣ за пять. Дрова также съ трудомъ они собирали за 15 верстѣ отъ избы.

20 января было большимъ праздникомъ

для моряковъ: въ этотъ день, въ первый разъ послѣ восьмидесяти-дневной ночи увидѣли они солнечные лучи и на другой день, чтобы пользоваться свѣтомъ, открыли въ избѣ ставни. Въ февралѣ мѣсяцъ холодъ на островѣ дошелъ до того, что стѣны и потолокъ избы промерзли насквозь и появилась большая сырость; но это продолжалось недолго: въ началѣ марта солнце стало уже пригрѣвать и на бортахъ судовъ показались проталинки. Когда прекратились морозы, Пахтусовъ снарядилъ для разузнанія берега два отряда: одинъ послалъ вдоль по острову по прибрежному льду, съ другимъ отрядомъ отправился самъ по «Маточкину Шару». На пути оба отряда замѣтили и описали много разныхъ мѣстъ, несмотря на то, что путь былъ очень труденъ: случалась переходить черезъ высокія ледяныя горы, и часто пѣшеходовъ заносило мятьею. Мѣстами же встрѣчали они глыбы льда, стоявшія на мели, вышиною сажень въ двѣнадцать. Воротясь къ

мѣсту зимовки, 30 апрѣля, въ 12 часовъ ночи, моряки въ первый разъ увидѣли не заходящее солнце.

Съ очищеніемъ береговъ отъ льда, Пахтусовъ думалъ пуститься въ путь на судахъ, и для этого заложили новый карбасъ. Къ несчастію, вскорѣ умеръ плотникъ, который былъ мастеръ на все. Нужда заставила работать остальныхъ, и скоро всѣ сдѣлались мастеровыми, а чрезъ три недѣли карбасъ былъ готовъ и спущенъ на воду. Въ исходѣ іюня Пахтусовъ вышелъ на одномъ изъ карбасовъ въ море. Дней десять пробирались они благополучно между льдами; а потомъ напоръ льда до того усилился, что подрѣзало у карбаса якорные канаты. Моряки спрятались было за небольшую льдину, но не надолго: другія льдины обошли ее и напирали на карбасъ со всѣхъ сторонъ. Въ такой бѣдѣ понесло ихъ къ прибережному льду, и тутъ карбасъ затрещалъ и треснулъ по длинѣ: вода полилась съ обоихъ концовъ. Видя,

что дѣло плохо, моряки приготовились спасать нужныя вещи и вынесли ихъ наверхъ. Черезъ полчаса карбасъ наполнился водою до палубы и въ то же время вѣтеръ засвѣжѣлъ и потянулъ за собой льды вмѣстѣ съ карбасомъ. Мѣшкать было нечего: часть спасенныхъ вещей погрузили въ двѣ лодки и потащили ихъ по льдинамъ къ берегу, до котораго оставалось съ версту. Къ вечеру, перемокшіе и усталые, добрались они до берега, гдѣ устроили себѣ изъ спасенныхъ парусовъ палатку и развели огонь, потомъ пошли за остальными вещами и провизіей къ прибрежнымъ льдамъ. Прійдя туда увидѣли они, что все это унесло въ море. Къ счастью, они успѣли захватить съ собой муки и могли питаться печеными лепешками. Черезъ нѣсколько дней удалось встрѣтить нашимъ морякамъ земляка-промышленника, который перевезъ ихъ на своей лодкѣ къ мѣсту зимовки. Возвратясь туда, Пахтусовъ снова отправился на карбасъ осматривать

берега, но, встрѣтивъ, въ концѣ августа, плотно прижатые къ берегамъ льды, долженъ былъ возвратиться.

Нанявъ у промышленниковъ двѣ лодки, Пахтусовъ, въ сентябрѣ, вышелъ съ Новой Земли и 7 октября благополучно дошелъ до Архангельска.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Жизнь, путешествія и приключенія французскаго адмирала Дюмонъ-Дюрвиля	5
Ураганы	111
Пребываніе штурманскаго офицера Пахтусова, кондуктора Цивольки, десяти матросовъ, одного фельдшера и четырехъ вольнонаемныхъ людей на пустынномъ островѣ Новая Земля	116
